Вселенский неудачник

Автор:
Дмитрий Емец

Вселенский неудачник

Дмитрий Емец

Во Вселенной нет места случайностям. Кроме одной, самой нелепой случайности, по имени Тит Невезухин. Своей врожденной способностью влипать в неприятности он прославился далеко за пределами родной галактики. Этот вселенский неудачник странствовал в космосе, не подозревая, что из-за него… отправилась на дно океана Атлантиды, пал Рим и началась Первая Мировая война. Самой судьбой Титу Невезухину была уготована роль стрелочника, который, оказываясь в нужный момент в ненужном месте, заворачивает поезд истории под откос…

Дмитрий Емец

Вселенский неудачник

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЕЙ

Перед вами – книга воспоминаний известного астронавта Тита Лукича Невезухина, сгинувшего в прошлом году в созвездии Змееносца в одной из черных дыр (NGS 1345), от которого он по обострившейся на старости лет клептомании попытался отковырять кусочек на память. До черной дыры, судя по всему, астронавт добрался благополучно, затем связь оборвалась, и дальнейшая судьба Невезухина неизвестна.

На момент своего исчезновения Титу Лукичу Невезухину было семьдесят семь лет. Он оставил после себя рыдающую безутешную вдову и двенадцать детей, взявших на себя нелегкий труд подготовить его воспоминания к печати.

Именно они обратили наше внимание на тот факт, что год гибели легендарного астронавта – две тысячи четыреста тридцать второй – совпадает с годом смерти, который их отец предсказал сам себе в одной из частей своих воспоминаний. Мы не смеем утверждать, было ли это прозорливым предвидением или случайностью, но считаем своим долгом указать читателям на это примечательное совпадение.

Тит Лукич Невезухин относится к тому ныне почти исчезнувшему типу звездопроходцев-бродяг, которые в своих путешествиях по Вселенной не имеют целью скорое обогащение или преумножение научного познания, и без того объявшее все мыслимые и даже немыслимые области, а действуют по наитию, не придерживаясь заранее составленных планов. Их неписаный девиз: странствие – ради странствия, Вселенная – ради Вселенной! Космос для них – это средство обрести гармонию в собственной душе, что необходимо им точно так же, как и воздух. Они – истинные донкихоты нашего времени, хранители и единственные носители романтического потенциала человечества – в этом их крест и их награда...

Как уважаемые читатели вскоре поймут, Невезухин прославился более своими невероятными приключениями и врожденной способностью «влипать в истории», нежели литературным дарованием. Однако из уважения к памяти астронавта мы оставили стилистику воспоминаний без изменений, с тем чтобы дать ценителям возможность познакомиться с его оригинальной, яркой манерой письма и мышления, которая противоречит всему тому, что поднято на щит современной литературой. Автора невозможно уличить во вторичности или преемственности, свойственной неопытным литераторам.

Надеемся, что любителям мемуаристики, знакомым с работой нашего издательства – а их на тридцати тысячах освоенных человечеством миров должно найтись немало, – воспоминания легендарного астронавта покажутся интересными.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АСТРОС» БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ

ВОСПОМИНАНИЕ ПЕРВОЕ

Взглянув на обложку этой книги в том месте, где пишется имя автора, вы прочтете «Т. Л. Невезухин» – что означает «Тит Лукич Невезухин». Неизвестно, кто первый у нас в роду получил эту фамилию, но она полностью отражает наше общее свойство: хроническое неизлечимое невезение, закрепившееся, должно быть, в одном из генов как постоянный признак. Но если остальные мои предки были просто неудачниками, то я, аккумулировав в себе все их худшие качества, родился неудачником в квадрате. Не стану перечислять все конкретные проявления моего хронического невезения – одно упоминание их составило бы книгу примерно такого же объема, как эта. Скажу только, что в молодые годы я был уверен, что если на стадион, где собрались десять тысяч человек, залетит одна-единственная оса, то с вероятностью сто к одному ужален буду именно я.

Один пример я все же, не удержавшись, приведу. Когда я был еще совсем маленьким, космические цыгане подсыпали нашему домашнему роботу алмазной пыли в суставы, дождались, пока он, скрежеща, утащится на техобслуживание, и выкрали меня из кровати, подложив на мое место куклу-биоробота, которая выполняла все то, что ожидают родители от стандартного младенца. Меня же цыгане погрузили в свою дышащую на ладан ракету вместе с десятком других таких же бедолаг, приготовленных для продажи в Диких мирах, и стартовали с Земли.

Но мое невезение сыграло и с цыганами злую шутку: случайным метеоритом на их ракете разбило навигационный блок, и, все на свете перепутав, они вместо поджидавшей их базы работорговцев состыковались с военным крейсером. Впрочем, мне и тут не повезло: других детей сразу отправили родственникам, меня же сочли маленьким африканцем и отдали в детский приют в Мозамбике, где я пробыл несколько месяцев, пока не отмылся черный пигмент, в который меня покрасили на цыганской ракете. Наконец, после всех мытарств меня вернули родителям, которые не только не хватились пропажи, но и налюбоваться не могли на свою синтетическую куклу, засыпавшую сразу после кормления и не доставлявшую никаких хлопот...

А в юности! Если бы вы знали, друзья мои, как мне не везло в любви! С тех пор я убежден: нет во Вселенной другого биологического организма более капризного и нелогичного, чем хорошенькие девушки! Основываясь на своем отрицательном опыте, я бы отнес девушек к так называемой группе sapiens antinomius –

существ, ошибочно признанных разумными. Они бросали меня из-за пустяков: стоило мне отравиться при них в китайском ресторане, неловко опрокинуть на платье кетчуп или прихлопнуть им мизинец дверцей флаерса – тотчас моих спутниц как ветром сдувало, и лишь на горизонте мелькали их ускользающие спины... Один-единственный раз, на двадцать третьем году жизни, мне почти удалось поцеловать девушку, с которой я встречался два месяца, но в этот момент я вдруг ощутил ужасную боль, подобную той, как если бы в рот мне попала раскаленная гайка. Это была пчела, ужалившая меня в язык!

Данный случай стал последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Я вернулся домой, взял бластер и хотел застрелиться, но энергообойма оказалась почти разряженной, и я лишь сильно обжег себе ухо и щеку. Лежа в больнице с забинтованной головой и дожидаясь, пока на ухе приживется искусственная кожа, я хандрил и подумывал уже, не заморозиться ли мне лет на двести, чтобы вместе с собой заморозить и свой невезучий ген, но тут случилось событие, определившее всю мою дальнейшую судьбу.

Я лежал в двухместной палате, но соседняя со мной кровать пустовала, и я порой жалел, что мне не с кем поговорить, как вдруг однажды утром у меня появился сосед. Это был старый космический волк, с лысой головой и дубленой кожей, попавший в больницу с тяжелыми радиационными ожогами. Первые дни он чувствовал себя неважно и молча смотрел в покрашенную стенку, чертя на ней что-то ногтем, но потом кризис миновал, и он разговорился.

Он рассказывал о суровых звездных ветрах, о золотом сверкании созвездий Млечного Пути, об ослепительных вспышках при рождении сверхновых звезд, о пыльных хвостах комет, об отражательных туманностях, эллиптических галактиках и нейтронных вихрях, о безумно полыхающем закате на планете Трех Солнц, о сокровищах заброшенных баз; о невероятной способности жертвовать собой ради других, когда весь экипаж из благородства отказывается от последнего баллона с кислородом – и потом их так и находят: несколько задохнувшихся мертвецов, а посредине – нераспечатанный баллон; о тесной космической пивной, затерявшейся где-то в созвездии Орла, в которой собираются космические волки и пьют самогон, наливаемый им ворчливым, почти двухсотлетним роботом со скрипящими коленями и таким же характером; о преданной любви прекрасных девушек с планеты Новая Амазония, на которой уже триста лет не рождался ни один мужчина; о петлях времени, когда завтра наступает раньше, чем вчера; о тысячах парсеков, которые каким-то чудом преодолевают старые колымаги-звездолеты – неразлучные спутники

астронавтов-бродяг, знающих их до последнего болта; и о многом-многом другом, что ныне уже стерлось из моей памяти...

Вдобавок космический волк был полон абсолютного презрения к земным крысам – презрения, не замечаемого им самим, но въевшегося в него до мозга костей. Презрение это было таким заразительным, что уже очень скоро я и сам стал презирать земных крыс, к которым, кстати, и сам тогда относился.

Многое, о чем рассказывал этот покрытый радиоактивными ожогами человек, я уже забыл, но, клянусь, это была самая прекрасная ода космосу, которую мне когда-либо доводилось слышать! Каждое слово космического волка я впитывал словно губка, и мне казалось, что я уже глотаю межзвездную пыль или преодолеваю притяжение сливающихся галактик.

Ночами, когда утомленный космический волк засыпал, приняв снотворное и еще нечто, спрятанное от медсестры под матрасом, я мечтал о вселенских далях, а потом в мои сны, раскрыв объятия, входили пылкие девушки с Новой Амазонии, единственную одежду которых составлял кожаный ремень, на котором висела кобура с бластером.

Я и сам точно не помню, когда именно под влиянием этих рассказов у меня оформилось настойчивое желание выйти в космос и пуститься в межзвездные скитания. Уж туда-то, в глубины Вселенной, думал я, невезение точно за мной не увяжется...

Едва повязку с моего уха сняли, я немедленно начал действовать. Записываться младшим астронавтом в военный флот и целыми днями шлепать с прапорщиком в карты на лафете лазерной пушки, или в должности техника-электрика обходить с тестером коридоры медлительного космотанкера из тех, что курсируют по ближним созвездиям, или даже в синей форме стюарда приставать к пассажиркам туристических рейсов, заводя с ними мимолетные романы, – нет, такая жизнь была не для меня, и я отверг ее со всем максимализмом юности. Куда больше привлекала судьба звездного волка-одиночки, который на скоростном звездолете рассекает глубины дальнего космоса, отдаляясь от Земли на многие десятки и сотни парсеков. Правда, по статистике звездные волки куда чаще остальных ломают себе шеи, зато лишь им одним ведома суровая прелесть неосвоенной Вселенной.

Как это было принято у нас, у Невезухиных, я немедленно созвал семейный совет и сообщил родне о своем решении отправиться в космос. Я не заблуждался насчет особого восторга моих родственников, но рассчитывал хоти бы на известное понимание, однако родные и близкие посчитали меня сумасшедшим. Кое-кто, из слабонервного женского пода, даже сымитировал обморок, и пришлось пускать в ход нашатырь.

– Нет, вы только подумайте! Да он и на Земле не может пяти шагов ступить, чтобы ничего себе не сломать! Да он разобьется еще при взлете, размажется по первой же звезде! – восклицали мои тетки и моя впечатлительная матушка. Помалкивали только троюродные племянники-балбесы: они рассчитывали, что им достанется моя коллекция пивных банок.

Впрочем, особенно долго меня не отговаривали: в семье я давно имел устоявшуюся репутацию упрямого осла. В конце концов близкие, смирившись, махнули на меня рукой, а одна милая старушенция, приходившаяся нам седьмой водой на киселе, уверенная, что мой отход в мир иной не заставит себя ждать, сразу заказала панихиду об упокоении новопреставленного Тита.

Я же, не собираясь больше возвращаться на Землю, продал все, что имел, и, испытав наплыв великодушия, свойственного тем, кому уже терять нечего, подарил свою коллекцию пивных банок (ее никто не захотел покупать) троюродным племянникам.

Затем я взял толстый рекламный каталог звездолетов и стал изучать его со всей ответственностью и тщательностью – ведь, выбирая ракету, я выбирал себе единственного верного спутника на много десятилетий, от которого напрямую зависела моя жизнь. Каталог был самым подробным: в нем упоминались и гигантские торговые звездолеты классов F,G,H, и космотанкеры, и базы, и научные модули. Меня же интересовали маленькие скоростные корабли, подходящие для одиночного звездного плавания. Поэтому я бегло пролистывал каталог, пока не остановился на нужной странице:

* * *

«Вояджер „Комфорт“– ракета для жизни. Два абсолютно безопасных атомных двигателя. Искусственный мозг-навигатор с памятью в 17 млрд. миров. Все системы жизнеобеспечения. Земной комфорт. Бассейн. Оранжерея. Спортзал.

Общая площадь без складских отсеков – 300 кв. метров. Класс безопасности – А. Цена – 13 000 000 косморублей.

Рейдер «Молния».Одноместный скоростной корабль для дальнего космоса. Ультрасовременный дизайн. Один турбулентный высоконадежный двигатель набирает околосветовую скорость всего за 23,4 часа. Мозг-навигатор. Есть все необходимое оборудование для дальних космических гонок и скоростных перелетов. Общая площадь – 40 кв. метров. Класс безопасности – В. Цена – 5 000 000 косморублей.

Рейдер «Романтическое путешествие».Отлично подходит для тех, кто желает провести свой медовый месяц в космосе. Модель, особо отмеченная королем Иордании Гусейном XXXI! Бесшумный протоновый двигатель. Искусственный мозг. Три уютных каюты. Большая спальня. Детская комната. Сауна с маленьким бассейном. Неназойливый робот-повар, способный приготовить из элементарных жиро-углеводно-белковых соединений более 50 тысяч деликатесных блюд. Общ. площадь – 250 кв. метров. Класс безопасности – А. Цена – 6 000 000 косморублей.

Вояджер «Ковчег».Разработан специально для космонавтов-первопроходцев (существует возможность иной перекомпоновки салона для мормонов, ортодоксов, буддистов и проч.). Рассчитан на 6—8 человек. Два безопасных атомных двигателя. Околосветовая скорость за 100 часов. Мастерская с безупречным набором инструментов. Клон-резервуар модели «Ной» с клетками всех основных видов животных и растений. 10 роботов различного хозяйственного назначения. Оранжерея. Детские комнаты. За дополнительную плату предлагаются наборы саморазворачивающихся молекулярных домов. Жилая площадь – 130 кв. метров. Общая площадь – 330 кв. метров. Класс безопасности – В. Цена – 17 000 000 косморублей».

Чем сильнее рябили у меня в глазах эти нули, тем ниже сползал барометр моего настроения. Увы, мне стало ясно, что все эти роскошные вояджеры и рейдеры – плоды современного инженерного гения – недоступны для меня так же, как недоступен локоть моим зубам. Я располагал всего лишь скромной суммой в 350 000 косморублей, полученной от продажи всего моего имущества. Больше денег взять было абсолютно неоткуда, на крупный заем рассчитывать тоже не приходилось, а чтобы заработать недостающую сумму, пришлось бы потратить несколько десятилетий, и я смог бы выйти в космос лишь ветхим старцем.

Под конец, когда я уже всерьез подумывал, не ограбить ли небольшой банк, вломившись в него с бластером и в маске, в самом низу страницы мой страждущий взор зацепил небольшое объявление:

Космомагазин робота Али.

Продажа и ремонт старых кораблей различных видов по самым умеренным ценам. Адрес: Юпитер, Долина Скелетов, владение 13.

Пятью минутами спустя я мчался в космопорт, откуда первой же пассажирской ракетой вылетел на Юпитер. Вечером того же дня я стоял под искусственным куполом юпитерианского космодрома и уныло изучал карту. Долина Скелетов оказалась такой дырой, что прямого сообщения с ней не было, а пересадочный интервал на промежуточных станциях составлял почти сутки: таким образом хитрое юпитерианское правительство повышало доходность своих гостиниц. Делать нечего, пришлось облачиться в скафандр и голосовать грузовым флаерсам, за штурвалами которых сидели болтливые юпитерианские роботы, охотно берущие пассажиров за пол-литра смазки.

Путешествуя автостопом, за двенадцать часов я добрался-таки до Долины Скелетов. Это оказалась самая большая свалка космических кораблей, которую мне когда-либо приходилось видеть. Огромная долина была буквально завалена остовами старых ракет, флаерсов и звездолетов самых разных конструкций и веков выпуска, по которым вполне можно изучать историю космонавигации. В правой части долины, километра за четыре от того места, где меня высадили, виднелся большой, кое-как склепанный ангар. Никаких других сооружений рядом не было, я предположил, что это и есть космомагазин Али. Отыскав между остовами ракет тропинку, я добрался до ангара и увидел на его пороге большого, добродушно поскрипывающего робота с пятнами ржавчины на корпусе.

Этот обломок древности сидел и глубокомысленно ковырял отверткой в коленном суставе своей правой ноги, которую, видимо, открутил незадолго до моего появления.

– Вы Али? – спросил я у него.

– Он самый! – встрепенулся робот. – А вы покупатель? Ах, молодой человек, как я рад вашему появлению! Последнее время люди совершенно перестали приобретать звездолеты. В жизни становится все меньше романтики. Где, скажите мне, безумная увлеченность первых лет звездоплавания, где отважные пассионарии, рвущиеся навстречу галактикам, как это было в годы моей юности? Нынешний молодой человек посмотрит на небо лишь в том случае, если ему сказать, что на его голову сейчас упадет метеорит. Если он что-то и покупает, так только флаерсы. Кстати, может быть, я ошибаюсь и вам тоже нужен флаерс? У меня есть несколько штук в очень приличном состоянии.

– Нет, спасибо. Я ищу небольшой исправный корабль для дальнего космоса.

– Прекрасно, юноша, прекрасно! Я угадал с первого взгляда – опыт, знаете ли, не пропьешь. Позвольте потрясти вашу мужественную руку! Пройдемте в ангар, там есть все, о чем можно только мечтать.

Робот Али попытался встать, чтобы сопровождать меня, и едва не упал. С трудом удалось удержать эту двухцентнеровую громаду.

– Нога! – напомнил я.

– Ах да, я же ее отвинтил! – спохватился он. – Вот проклятая рассеянность! Здесь, знаете ли, в грунте слишком много песка. Третий подшипник за год.

Робот ловко привинтил ногу на место и, чуть прихрамывая, повел меня внутрь ангара, где на блоках было подвешено два десятка кораблей.

– Вот, рекомендую – отличная модель: «Протон-25G». Совершил три путешествия к Лебедю, участвовал в освоении Хвоста Змеи, Орла и Лиры. Скажу вам по секрету, развивает очень неплохую скорость, хотя внешне, конечно, скрывать не буду, имеет некоторые косметические дефекты. Но что такое внешность, когда сердце звездолета в двигателе, а он у него почти новый! – бодро начал робот, подводя меня к совершенной рухляди, измятой метеоритами, как консервная банка.

Последнее замечание Али сделал, заметив, какой взгляд я бросил на этот звездолет.

– Надеюсь, эта мятая кастрюля не все, что у вас есть? – вежливо спросил я. Мне были хорошо известны уловки торговцев, которые вначале всегда показывали самое плохое из того, чем располагали.

– Значит, вы не будете брать «Протон»? – огорчился робот. – Что ж, не стану уговаривать, но, поверьте, вы делаете ошибку. Разумеется, это не самая современная модель, зато очень надежная. Некоторые, знаете ли, любят ретрозвездолеты… Ладно, пройдемте дальше. Вот, смотрите, «Челенджер» модели 2230 года! Прекрасный, ухоженный корабль! Рассчитан для дальнего космоса, но почти не летал – только короткие рейсы в пределах Солнечной системы. Великолепный, практически новый двигатель! А какой салон! Настоящие кожаные кресла в кабине пилота, а отделка каюты! Пойдемте, я вам покажу!

Робот ухватил меня за рукав и почти силой потащил внутрь. Это показалось мне подозрительным, и я предпочел сперва повнимательнее присмотреться к звездолету снаружи. Интуиция не обманула. Почти сразу я обнаружил то, что силился скрыть этот титановый пройдоха.

– А что, у «Челенджеров» первых моделей совсем не было хвостовой обшивки? – спросил я. – И как насчет гравитационной установки? Здесь ее нет, а мне не улыбается десятилетиями плавать в невесомости.

– Но гравитационную установку можно поставить новую, – быстро возразил робот.

– Найти нужную запчасть на модель трехсотлетней давности практически нереально, и вам, как торговцу ракетами, это должно быть известно. Нет, спасибо, сидите на своих кожаных креслах сами, – решительно сказал я.

Али не стал спорить, лишь с хитрым видом потряс указательным пальцем у меня перед лицом. Координация движений у него была неважная, и он едва не вдавил мой нос в голову.

– Ах, юноша, вы из молодых да ранних! Теперь я вижу, что вас не проведешь. Но законы коммерции… Признаюсь, у меня просто руки не поднимаются продать по-настоящему хороший корабль тому, кто ничего не понимает. Но вы, я вижу, знаете в них толк. Ваша взяла: я покажу вам то, что действительно заслуживает

внимания.

Говоря, что у меня есть опыт, робот беззастенчиво льстил. За штурвалом я до этих пор сидел только однажды, когда приобретал звездоплавательный патент. Все остальные познания почерпнул из обучающих дисков, которые вставлял в гипнонаушники во время сна.

Робот прохромал вдоль ряда рассыпающейся рухляди и свернул в узкий проход между кораблями. Я был поражен, когда внезапно из-за махины тяжелого танкера выплыл узкий, окрашенный в серебристый цвет звездолет со строгим, смело и решительно очерченным силуэтом. Рядом с неуклюжим, круглым, как бочка, танкером он казался особенно стройным и стремительным. Мои руки дрожат, когда я вспоминаю об этом... Нет, не могу и не хочу описывать, что я ощутил тогда, ибо все будет ложью. Скажу лишь, что если я когда-либо и испытал любовь с первого взгляда, то это была любовь к нему – к могучему красавцу-звездолету. Я сразу, в первое же мгновение понял, что куплю его, но, разумеется, постарался не подать виду, чтобы хитрый робот не заломил цену. Хотя Али, кажется, все понял, потому что его фотоэлементы как-то совсем иначе, с эдакой скрытой ехидцей уставились на меня.

– Вот он! – Звездолет модели «Сокол-3D», – с гордостью сказал робот. – Отличный корабль. Семьдесят лет назад поставлен в серийное производство, но выпущено было всего десять или двенадцать таких красавцев. Легкие в управлении, комфортные, быстро набирают скорость, а какая экономичность! Подбросьте в реактор всего пару горстей любых молекул – мусора, песка, чего угодно, – и на несколько недель можете забыть о всяком топливе. Правда, этому кораблику пришлось немало побегать: нет такого уголка Вселенной, где бы он не побывал. Думаю, он много чего мог бы нам рассказать, если бы у него был язык.

Мы обошли звездолет со всех сторон. Я не поленился и пролез под днищем, потрогав управляющие тяги. Внешне все было как будто в норме. Когда я вылез, дожидавшийся меня робот похлопал по борту ладонью:

– Посмотрите, какой металл! Что и говорить, умели раньше делать! Семь десятилетий прошло, а ни одного пятнышка коррозии! Для таких бортов метеоритный поток что легкий дождик... Правда, должен признаться, есть у него и кое-какие недостатки. Говорю это с тем, чтобы вы не сочли меня недобросовестным.

– Что за недостатки? – с беспокойством спросил я.

– Надо следить за атомным двигателем – порой он начинает греться, впрочем, ничего критического. Прежний владелец говорил, что нужно просто достать из реактора стержень, дать ему остыть и сразу же всунуть обратно.

– И сильно двигатель успевает нагреться?

– Самую малость! – спохватился робот. – Но если вдуматься, найдете немало хороших сторон. Например, на нем можно отлично жарить яичницу.

«Ничего себе самую малость, если до яичницы дело дошло», – подумал я.

– Вот, пожалуй, и все основные недостатки, – сказал Али, которому, видно, не терпелось свернуть эту тему. – Кстати, забыл похвалиться, эта модель снабжена безотказным мозгом-навигатором, который, кроме штурманских, может выполнять еще и функции пилота, не говоря уже о том, что и собеседник он просто замечательный.

Заметив, что на этот раз робот явно предпочитает держать меня снаружи, я решил осмотреть внутренности ракеты. Сразу же стало ясно, почему Али так поступал. Жилая площадь звездолета была совсем мизерной. Всего одна средних размеров каюта, которая служила одновременно и спальней, и кухней, и мастерской, и навигаторской, и шлюзовой, и вообще всем, чем угодно. В углу отсека выступала задняя часть атомного двигателя, над которой предыдущий хозяин натянул веревку для просушки носков. Каюта была такой загроможденной, что робот даже не рискнул в нее войти, а остался снаружи и отпускал комментарии, просунув внутрь голову.

– Помещение, правда, небольшое, но, кроме него есть еще складик! – заявил он, стремясь улучшить впечатление.

Я открыл дверцу и заглянул в соседний отсек. Он не наврал: складик и в самом деле был небольшим. Честнее было бы назвать его стенным шкафом, которым он в действительности и являлся. На одном гвозде там висел скафандр, на другом – реактивный ранец. Вознамерься я положить туда что-нибудь еще, например чемодан, пришлось бы долго его впихивать.

– Ну как вам? Это же почти еще одна каюта! – крикнул снаружи робот, очевидно, ожидавший, что я упаду от счастья в обморок.

– Сам не хочешь заглянуть? – колко предложил я.

– Нет, я лучше здесь постою! Вдруг появятся еще клиенты?

– Ванной, конечно, нет?

– Э-э… Зато есть отличное жестяное корыто. Поставите его на атомный реактор – вскипятите, разбавите холодной водичкой и плещитесь на здоровье хоть целый день. Только при этом не забывайте присматривать за датчиком внутриракетного давления.

– А что, он неисправен? – забеспокоился я.

– Датчик-то как раз исправен, – успокоил робот. – Насос барахлит. Он нагнетает воздух интенсивнее, чем необходимо, и от избыточного давления может закладывать уши.

– Хм… А класс безопасности у ракеты, надеюсь, достаточно высокий? – спросил я.

Робот уставился на меня немигающими зрительными датчиками. Его квадратное с оспинами ржавчины лицо ровным счетом ничего не выражало. Али молчал довольно долго. В башке у него что-то поскрипывало, а на лбу изредка вспыхивал красный процессорный диод – очевидно, он рылся в своей дряхлой компьютерной памяти, причем безуспешно.

– В чем дело? Забыл что-нибудь? – нетерпеливо спросил я, зная, что старые роботы иногда зависают из-за ерунды: например размышляя, с какой ноги – с правой или левой – сделать первый шаг, или безуспешно извлекая квадратный корень из нуля.

– Забыл, – признался торговец. – Какая последняя буква в английском алфавите?

– Кажется, «зэт».

– Точно, Z! – воскликнул робот. – Класс безопасности этой ракеты – Z! Во всяком случае, был таким, когда она была новой.

Я присвистнул, почувствовав себя почти смертником. Класс Z – подумать страшно! Для сравнения: ядру, на котором летал барон Мюнхгаузен, тоже присвоили бы класс Z. Так вот основная причина, по которой модель так скоро сняли с производства. «Интересно, – подумал я, – зачем он сказал правду? Хотя эти сведения указаны в техпаспорте, и я все равно бы увидел».

– Ну что? – мрачно спросил робот, проницательно изучая мое лицо. – Не будете покупать?

Его скрипучий голос вывел меня из задумчивости.

– А вот тут ты, братец мой, ошибся! Буду! – твердо сказал я.

Внезапно я понял, что этот звездолет создан именно для меня. Если бы людям присваивали класс безопасности, мне бы тоже дали Z, не более того.

– Я знал, что вы решитесь! – воскликнул Али, быстро приходя в себя. – Купить такой чудесный корабль всего за шестьсот тысяч – это, согласитесь, большая удача!

– За триста! – твердо сказал я, прикинув, что как минимум пятьдесят тысяч уйдут на экипировку и провизию в дорогу. – Не за шестьсот, а за триста. Больше у меня нет.

Робот поскреб лоб. Посыпалась ржавчина.

– Это ваша последняя цена? М-м... Вы меня грабите, я сам взял его за четыреста... Ну, так и быть, хоть и себе в убыток, но ради хорошего человека – берите. Платите, полагаю, наличными? С этими кредитными картами столько мороки, и потом налоговая ставка так высока... Если пропускать все через бухгалтерию, то останешься без штанов... – проскрипел торговец, и по возросшей вибрации его голоса я понял, что переплатил, дав чуть ли не вдвое,

чем робот ожидал получить.

Ах ты хитрая ржавая бочка! Но брать слово назад было уже поздно. Потом мы оформляли документы, вписывая в них номер моей лицензии, и робот дважды пересчитывал деньги, бормоча, мусоля купюры в коротких пальцах и с подозрением проверяя бумажки на свет. Порой он даже подносил палец ко рту, будто хотел послюнить его. Когда деньги были сосчитаны, робот засунул их в сейф, находившийся прямо у него в груди, и захлопнул дверцу. Судя по толщине этой дверцы, ее не взял бы даже атомный резак. Повинуясь внезапно возникшему у меня подозрению, я спросил:

– Послушайте, Али, а вы не дистанционник?

Покосившись на меня, торговец открутил свою голову и показал небольшую принимающую антенну, закрепленную там, где у нормальных роботов расположен электронный мозг.

– Только умоляю, никому не говорите, а то я потеряю последнюю торговлю! – предупредил он. – В наше меркантильное, неискреннее время роботам доверяют больше, чем людям.

– Буду нем как рыба, – пообещал я. – А где вы находитесь на самом деле?

– На Луне у меня небольшая контора. Оттуда я и управляю всеми дистанционниками. У меня, знаете ли, несколько магазинчиков, торгующих подержанными вещами.

Торговец опасливо косился на меня: не знал, как я отнесусь к тому, что он оказался человеком. Но мне было безразлично, мыслями я уже блуждал в лабиринтах созвездий. Попрощавшись, я направился к ракете и собрался захлопнуть за собой люк, но, услышав топот, оглянулся и увидел, что робот торопливо хромает за мной.

– Погодите! Я забыл вас предупредить! Мозг-навигатор настроен таким образом, что первое слово, которое вы произнесете после его включения, и будет новым названием звездолета!

Заверив его, что все понял, я закрыл люк и загерметизировал его. Потом подошел к Мозгу и, раздвинув прикрывавшие его шторки, протянул руку к рубильнику. Мне хотелось назвать корабль «Невозмутимый» или «Удачливый», но судьба распорядилась иначе. В тот момент, когда, дернув рубильник Мозга, я открыл рот, чтобы произнести выбранное название, какая-то железка, которую я забыл закрепить, огрела меня по лбу так, что из глаз полетели искры.

– Блин! – воскликнул я, хватаясь за лоб, на котором в этот момент вздувалась шишка размером с хорошую сливу, и тут же вздрогнул, услышав чуть хрипловатый мужской голос:

– Звездолет «Блин» рад приветствовать вас на своем борту. Ну что, взлетаем?..

ВОСПОМИНАНИЕ ВТОРОЕ

С Юпитера я отправился сразу на Землю: нужно было попрощаться с родственниками и захватить с собой в дорогу провизию. Предупредив, что двигатель перегревается, робот не сказал и трети правды: он не просто перегревался – он вскипал. Через каждые несколько миллионов километров приходилось доставать из реактора стержень и дуть на него, пока я не приспособился делать это почти на автомате.

Другой не менее серьезный недостаток был связан с Мозгом. Продавая мне корабль, торговец, разумеется, ни словом не обмолвился о том, что Мозг страдает пространственным идиотизмом. Он ухитрился заблудиться даже в Солнечной системе и вместо Земли прилетел поначалу на Марс, а когда я сделал ему замечание, то Мозг стал оправдываться тем, что у меня якобы неясная дикция и вместо «Земли» он услышал «Марс».

– А выражение «сдать на металлолом» тебе не послышалось? – хмуро спросил я.

– Ась? – переспросил Мозг, прикидываясь глухим.

На Земле я быстро купил все необходимое для длительного путешествия. При этом вместо того, чтобы завалить три четверти ракеты консервами и крупами, я

приобрел искусственный молекуляризатор пищи. Как утверждалось в инструкции, молекуляризатор из самого простого сырья и даже из мусора был способен приготовить до трех тысяч вкуснейших блюд, удовлетворяющих самый изысканный вкус. Я выложил за этот прибор почти все оставшиеся у меня деньги и при этом даже не потрудился испытать его, о чем впоследствии мне пришлось не раз пожалеть.

Прощание с родственниками вышло скомканным и малоприятным. Они смотрели на меня, как на сумасшедшего, и, кажется, расставшись, все мы испытали большое облегчение. Единственным, кто меня понял, был звездный волк, которого я навестил в больнице.

– Дерзай, салага! – сказал он, крепко стиснув мне руку. – Космос быстро выбьет из тебя земную дурь. Вот тебе два совета: держись подальше от черных дыр и поменьше доверяй роботам. Во всем остальном ты разберешься сам.

Когда я показал ему фотографию своей новой ракеты, брови старика чуть приподнялись, и, ничего не сказав, он сунул руку под матрас, где, как я знал, у него лежала бутылка.

Перед стартом я успел еще залететь в мастерскую и кое-как подлатать атомный двигатель. Затем я задал Мозгу курс на созвездие Возничего. Мне хотелось посмотреть недавно открытые пирамиды, по слухам очень похожие на египетские, что позволило ряду ученых предположить, что наши предки населили Землю, прибыв из глубин космоса.

Чтобы Мозг уже не смог прикинуться глухим и свалить собственный идиотизм на мою дикцию, слово «Возничий» я повторил не меньше десяти раз. После этого, ничем уже больше не интересуясь, завалился спать. В последнюю неделю, занятый сборами, я спал лишь урывками, и теперь мне хотелось наверстать упущенное.

Но мечтам не суждено было сбыться. Не прошло и нескольких часов, как я был разбужен ужасным ревом корабельной сирены, от которого у меня едва не лопнули барабанные перепонки. Решив спросонья, что произошла авария или разгерметизация, я подскочил на электрокровати, едва не стукнувшись лбом о низкий потолок, и увидел на тумбочке рядом с собой роботизированный будильник, злорадно покачивавшийся на четырех тонких ножках и издававший

чудовищные звуки.

Ошалевший, оглушенный, я протянул руку, чтобы его выключить, но будильник отбежал ровно настолько, чтобы я не смог до него дотянуться. Теперь, чтобы обезвредить его, нужно было встать с кровати, что я и сделал. С боевым воплем я метнулся к будильнику, но не успел. За мгновение до того, как моя рука сомкнулась на его корпусе, будильник успел подать сигнал электрокровати, и она со щелчком стала вдвигаться в стену.

Пока я безуспешно пытался удержать электрокровать за спинку, чтобы помешать ей исчезнуть, будильник куда-то ловко спрятался, и я так и не сумел расквитаться с ним.

Поневоле встав, я подошел к иллюминатору. Вокруг, сколько позволял охватить глаз, золотыми мерцающими самородками, чуть затянутыми дымкой газовых туманностей, рассыпались созвездия Млечного Пути – Жертвенник, Центавр, Южный Крест, Парус, Киль. Слегка напрягшись, я нашел Хвост Змеи, Орла, Лиру, Волка и Возничего, а потом, выглянув из противоположного иллюминатора, обнаружил Близнецов, Корму и Большого Пса. Порывшись в памяти, я припомнил, что маленькое созвездие между Орлом и Лебедем называется Стрела, а золотая запятая рядом – Лисичка. Я чувствовал: где-то рядом должен быть еще Дельфин, но в тот раз мне так и не удалось его отыскать.

Зная, что теперь все равно не уснуть, я решил навести в каюте порядок, а заодно разобраться, что еще из экипировки приобрел вместе со звездолетом. Первым делом я нашел в углу веник, подмел пол и ссыпал всю пыль в атомный реактор, увеличив таким образом запас топлива. Потом пересмотрел книги на полке, но был разочарован: ничего, кроме навигационного справочника и стопки развлекательных журналов, я там не обнаружил. Судя по всему, предыдущий владелец «Блина» не был любителем серьезного чтения. Его гипнотека тоже не отличалась разнообразием: десяток дисков боевиков и примерно столько же эротики. Вначале я хотел отправить все это прямиком в реактор, но потом, подумав, решил оставить: мало ли как могут измениться мои вкусы во время долгого перелета?

Перелистывая страницы навигационного справочника, я обнаружил заложенную между ними фотографию, взглянул на нее – и челюсть у меня отвисла. Со снимка смотрело лицо звездного волка – моего больничного соседа, сфотографировавшегося на фоне какой-то спиральной галактики. В тот момент я

понял, что предопределение существует, и усмотрел в этом его направляющий перст…

Продолжив поиски, я обнаружил в шкафу две кастрюли, сковороду, фонарик, нуждавшийся в штопке скафандр, бластер допотопной модели, неплохой набор инструментов, распечатанный ящик космического мыла, надувную лодку и палатку.

Прибравшись в каюте и замочив грязные занавески в гревшемся на атомном реакторе тазу, я уселся на табуретку – электрокровать упорно не желала выдвигаться – и предался мечтам о заманчивом будущем. Полет до созвездия Возничего, по моим расчетам, должен был занять около месяца, а за это время, чтобы не спятить со скуки и не потерять дни даром, я намеревался изучить основы космонавигации, а также воскресить в памяти кое-что из высшей математики и звездной физики. Все необходимые книги и гипнодиски я взял с собой с Земли. Я свято верил и верю в возможность самосовершенствования и изменения собственной личности в лучшую сторону методом постоянной работы над собой и тренировки воли. Космос как нельзя лучше подходит для размышлений о возвышенном, ибо, находясь в крошечном кораблике посреди Вселенной, даже самый приземленный человек не может думать лишь о мелком и ничтожном.

Но не успел я надеть гипнонаушники и разложить перед собой книги по космонавигации, как неожиданно услышал голос Мозга:

– Что-то ты какой-то молчаливый, приятель. О женщинах думаешь? Я тут набросал пару новых сцен, тебе понравится. «Тот, кто первым сказал, что ночью все кошки серы, был глухим, слепым и бесчувственным. Новым было все – от ее тихих стонов до хрипловатых просьб. Она обладала крепким, плотным телом девушки-подростка. У нее были упругие груди, твердые, но не стальные бедра и плоский живот…»

Я зажал уши ладонями и сделал вид, что увлечен чтением. Будь проклят торговец, подсунувший мне этот блудливый хлам! Может, Мозг увидит, что я занят, и отстанет? Но не тут-то было. На некоторое время он действительно примолк, а потом удивленно спросил:

– Эй, парень, ты чего? Может, что-то не в порядке? Не волнуйся, я не ханжа. Тогда тебе должно понравиться это: «Люк был крупным англичанином со светлыми волосами, накачанными мускулами и не сходившей с лица ухмылкой. Он всегда носил обтягивающие джинсы и рваную футболку. Его язык был…» Ну как, я угадал?

Вместо ответа я запустил в Мозг ботинком, который ударился о его процессор.

– Заткни динамик или я вырублю тебе звук! – пригрозил я.

– Вот ты как? Хорошо, я замолкаю, но ты об этом еще пожалеешь! – гневно прошипел Мозг.

Я же еще раз выругал про себя конструкторов, которые снабжают роботов искусственным интеллектом, и принялся грызть фундамент космонавигации. Об угрозе Мозга я почти сразу забыл, хотя, как впоследствии оказалось, делать этого не следовало.

Прошло около двух недель. Я наслаждался тишиной, изучал космонавигацию и мало-помалу обнаруживал все больше прелестей в уединенной, размеренной жизни астронавта. Единственным, кто отравлял существование, был будильник, заставлявший меня подскакивать среди ночи в самое неподходящее время. Трудно сказать, чем он руководствовался, – скорее всего, попросту был испорчен.

От его сирены у меня вскоре начала дергаться голова и я стал заикаться. Несколько раз я ставил на будильник капканы, но он ловко избегал ловушек и прятался за переборку, откуда достать его можно было, лишь разобрав всю ракету, а сделать это, находясь в космосе, не так-то просто. Днем я не раз ловил себя на том, что вместо занятий космонавигацией мечтаю, как расправлюсь с будильником. Постепенно это навязчивое желание стало принимать у меня характер мании, и тогда я понял, что пора ставить точку.

Я вытащил из-под кровати старый тульский дробовик, доставшийся по наследству от одного из прадедушек, зарядил оба его ствола самой крупной дробью и, спрятав ружье под одеяло, притворился спящим. Часа через три сквозь прищуренные веки я увидел, как будильник, семеня на тонких ножках, злорадно выполз на тумбочку и приготовился оглушить меня воем своей сирены,

но тут, прицелившись через одеяло, я выпалил сразу из двух стволов. Стрелок я скверный, но с такого расстояния промахнуться невозможно. Будильник взвизгнул, дернулся, а потом опрокинулся на спину и засучил ножками.

Из его простреленного брюха посыпались пружинки и колесики. Клянусь, это кровожадное зрелище доставило мне истинное наслаждение. Я бросил искореженный трупик будильника в атомный реактор и завалился спать. Проснулся я от рыданий. Рыдал Мозг, голос которого я слышал впервые после нашей ссоры.

– Чудовище! Мерзавец! – стенал он. – Ты убил его! Как часто в своей маленькой нише за переборкой он шептал мне, что любит тебя и что трезвонит среди ночи лишь затем, чтобы ты хоть раз заметил его, сказал ему ласковое слово. Да знаешь ли ты, что в этом хрупком будильнике жила ранимая и чуткая душа?! Он и звучал так громко, потому что это была песнь торжествующей любви, его ода тебе, ничтожеству! Он был моим единственным другом все эти годы, а теперь я осиротел. О, если бы ты знал, как я тебя ненавижу!

Голос Мозга то и дело прерывался рыданиями, и я почувствовал раскаяние:

– Прости, но я не знал, что этот трескучий будильник был ангелом. Не производи он столько шума, я и пальцем бы его не тронул. Эй, Мозг, ты меня слышишь?

Но Мозг лишь сопел с глубокой ненавистью, как если бы решил испепелить меня своим молчаливым презрением.

Выбросив все из головы, я вновь занялся космонавигацией. Надо сказать, что теперь жизнь моя стала куда приятнее. Я ложился и вставал, когда хотел, и уже не вздрагивал при мысли, что среди ночи на моей тумбочке истошно завоет сирена. Однако наслаждался покоем я недолго.

Примерно через десять дней, когда лететь до созвездия Возничего оставалось около недели, мой «Блин» как-то странно задергался, и, выглянув в иллюминатор, я обнаружил, что отвалился один из двух задних стабилизаторов. Вернуться и найти его было нереально: ракета уже отлетела на миллионы километров. К счастью, в ящике с инструментами я обнаружил запасной стабилизатор и гайки нужного размера (зная, что звездолет мне попался подержанный, я предусмотрительно взял с собой в дорогу целый ящичек

всевозможных гаек, винтов и пружинок).

Я остановил ракету, надел скафандр и, захватив с собой гаечный ключ, вышел наружу. Впервые в жизни я оказался в открытом космосе, подвешенный, словно паук в паутине, в золотом лабиринте созвездий. Одно неосторожное движение – и меня понесло прочь от «Блина». Я забарахтался и этим только ухудшил свое положение. Хорошо еще, догадался привязаться к люку веревкой и, потянув за нее, смог снова вернуться к кораблю.

Ремонт был, в сущности, пустяковым, и я управился с ним быстро, несмотря даже на то, что дважды выпускал ключ из рук, и он начинал вращаться вокруг ракеты по эллипсу. Устранив неисправность и гордясь собой, я вознамерился вернуться в каюту и продолжить путешествие, но не тут-то было. Шлюзовой люк оказался заблокированным изнутри, и я был лишен возможности попасть внутрь. Я в панике забарабанил кулаками по люку, не понимая, что случилось, но тут в скафандровых наушниках раздался злорадный голос Мозга:

– Ну что, попался, ничтожный? Теперь ты заплатишь за все!

Поняв, что это он захлопнул люк, я вскипел от ярости и потребовал:

– А ну открывай немедленно, кому говорю!

– И не подумаю! – хладнокровно отвечал Мозг. – Я долго ждал минуты, чтобы расквитаться с тобой. Не надейся, что я открою, пока ты не принесешь мне самых искренних извинений.

– Я не собираюсь перед тобой извиняться! Кто ты вообще такой? Несчастная искусственная личность с раздутым самолюбием! Компьютерный идиот!

Кажется, я сболтнул лишнего, потому что голос Мозга буквально задрожал от бешенства.

– Вот ты как! Продолжаешь упрямиться? Ладно, я заставлю тебя молить о пощаде, ползать на коленях, как жалкого червяка, стенать и рыдать. И тогда, кто знает, может, и сжалюсь над тобой. Умоляй же меня! Повторяй: «Прости меня, ничтожнейшего и глупейшего Тита! Я знаю, что не заслуживаю твоего

великодушия, поэтому молю тебя, как раб, как зажатая дверью крыса!»

– Не жди! Не буду ни о чем просить, жалкая спятившая железка! – рассвирепел я.

– Еще как будешь, – заверил меня Мозг. – Ты будешь умолять меня на коленях, вопить и пресмыкаться, а я стану упиваться твоим унижением.

– Размечтался! Ты не заставишь меня это сделать!

– Заставлю, – захихикал он. – Кислорода у тебя в баллоне осталось всего на пятьдесят минут. Потом начнешь медленно задыхаться, в глазах у тебя потемнеет, и тогда ты не выдержишь и начнешь умолять.

– Ты не посмеешь убить меня! – взвизгнул я. – Существуют законы робототехники: ни один робот не может причинить вреда человеку.

– А кто сказал, что я причиняю тебе вред? – захихикал Мозг. – Я же не бью тебя по голове трубой и не подсыпаю яд в кофе. По инструкции я обязан следить, чтобы люк всегда был загерметизирован, а тебя, хи-хи, я вполне мог не заметить. Мало ли кто там шляется по космосу? По правилам ты должен был перед выходом из корабля известить меня и сделать запись в журнале. Ты этого не сделал, так что теперь ко мне не придерется ни один самый строгий законник. Я всего лишь следовал инструкции о недопущении разгерметизации.

Пришлось обозвать себя трижды болваном. Как я мог забыть сделать запись в журнале? По правде сказать, все эти записи казались мне ненужным крючкотворством. Оказывается, я дал Мозгу отличный повод прикончить меня, не нарушив при этом ни одного из предписаний.

– Ладно, будь по-твоему… – выдавил я, сделав над собой усилие. – Прости, я был не прав. А теперь открой люк и впусти меня.

– Как бы не так! – заупрямился Мозг. – Неужели ты думаешь, что я поверил в твое неискреннее раскаяние? Мне этого мало – я хочу испытать истинное торжество. Бейся головой, пресмыкайся, умоляй меня, рви на себе волосы!

Но вместо того, чтобы рвать на себе волосы и пресмыкаться, я осыпал Мозг ругательствами и стал пинать люк скафандровыми ботинками. Казалось несправедливым, что я должен погибнуть в расцвете лет, по вине спятившего механизма.

– Давай, давай! Пинай сильнее! Так, так, еще разик! – подбадривал меня Мозг. – Чем сильнее будешь пинать, тем скорее у тебя закончится кислород. Ну, что я говорил? Видишь, ты уже сбиваешься с дыхания, а вскоре начнешь задыхаться.

Я почувствовал, что Мозг прав, и перестал колотить по люку. В любом случае, высадить его ногой мне бы не удалось: он рассчитан на прямое попадание метеорита, и после моих ударов на нем не оставалось даже царапин.

Дышать становилось все труднее. Кислород в баллоне, по всей видимости, уже иссякал. Я ощутил, как меня захлестывает тугая петля отчаяния. Неужели мой рок последовал за мной в космос, отыскав меня среди созвездий? И что станет причиной бесславной гибели Невезухина? Не взрыв сверхновой и не раскаленный белый карлик, а жалкий, свихнувшийся Мозг, мерзкий процессор с микросхемами и памятью, битком набитой похабными историями! Теперь я понял, что имел в виду старый хозяин, когда предупреждал, чтобы я не доверял роботам, и мне сразу захотелось высказать этому типу все, что я о нем думаю, – свинья, не мог честно сказать, что Мозг на его ракете – спятивший дегенерат.

– Хорошо, пускай будет по-твоему, – сказал я, решив на первой же планете отправить Мозг в утиль. – Какие извинения ты хочешь услышать?

– Я знал, что ты согласишься, – захихикал Мозг. – И уже составил небольшой текст. Всего-то пятьдесят страниц.

– Сколько? Я не успею произнести пятьдесят страниц за десять минут!

– Успеешь, если поспешишь! – успокоил меня Мозг. – А теперь не теряй времени и повторяй: «Я, Тит Невезухин, – кретин, болван, жалкий идиот! Я – муха, сидящая на куче навоза; червяк, раздавленный сапогом; тупая башка! Я – кошка, ошпаренная кипятком, куцая болонка, мерзкий глист! Я – ноль, я – нелепая биологическая конструкция, кое-как слепленная из слизи, я...»

Делать нечего, пришлось все это повторять. Страниц двадцать я оттарабанил за четыре с половиной минуты, установив своеобразный рекорд скороговорки. Я как раз называл себя мозолью на пятке восточного аксакала, закисшей жижей на дне мусорного бака и, не помню уж точно, кажется, дохлым верблюдом, как вдруг услышал сзади смешок и оглянулся.

Оказывается, пока я препирался с Мозгом, не замечая ничего вокруг, рядом остановилась одноместная ракета «Феррари», выкрашенная в модный алый цвет, с затемненными иллюминаторами, фосфорически мерцающими рулями и витыми спутниковыми антеннами – ракета, словно только что сошедшая со страниц рекламного каталога.

У открытого люка этой дивы стояла красивая молодая девушка и смотрела на меня, широко распахнув от изумления огромные зеленые глаза. Стояла она, судя по всему, давно и наверняка прослушала все двадцать страниц ругательств, которыми я себя осыпал. При одной мысли, что все так и было, мне сразу захотелось провалиться под... Да только куда провалишься в космосе?

– Что с вами? Отчего вы вначале били свою ракету ногами, а потом ругали себя? – сочувственно спросила девушка, включая радиосвязь.

Я сообразил, что она не слышала голос Мозга, суфлировавшего мне на других частотах, а слушала лишь меня, поэтому я должен был показаться ей по меньшей мере сдвинутым. Возможно, стоило рассказать, что на корабле взбесился компьютер, но выставлять себя на посмешище не хотелось. Вдобавок меня разозлило, что, подслушивая, девушка не дала знать о своем присутствии.

– А вам-то что? – невежливо ответил я. – У меня такая привычка. Я каждый день колочу свою ракету ногами и ругаю себя. Отличный способ спустить пар и одновременно не возгордиться.

– Вот как... – ошарашенно протянула она. – Если так, то простите, что отвлекла от столь увлекательного занятия. Если вам не нужна помощь, то я, пожалуй, полетела. Меня ждут друзья.

– Почему ты замолчал? Кто тебе разрешил делать паузу? – перебивая ее, нетерпеливо заорал в наушники Мозг. – Живо повторяй за мной: «Я – пустое место, я – таблетка от расстройства желудка, я – отвратительный слизняк...»

Но эта груда металлолома плохо меня знала. Я воспитан в старинных традициях, а они запрещают ругаться в присутствии дамы.

– Не жди, что я буду и дальше чернить себя! Сам ты отвратительный слизняк! – закричал я и тотчас спохватился, что девушка, способная слышать лишь вторую часть диалога, может меня неправильно понять.

– Это не вам. У меня, знаете ли, привычка разговаривать с самим собой, – объяснил я.

В ответ девушка неискренне улыбнулась и стала поспешно отступать к своему звездолету.

– Я так все и поняла. В космосе у многих появляются странные привычки. Желаю удачи!

– Всего хорошего! – попрощался я. – Вряд ли вам понравится то, что вы сейчас увидите.

Воплощая недавно возникшую мысль, я вытащил из набора инструментов самый большой гаечный ключ и взвесил его в ладони. Ключ оказался тяжелым, и я удовлетворенно кивнул.

– Не вздумайте совершить какую-нибудь глупость! Предупреждаю, меня будут искать! – взвизгнула девушка.

– Не беспокойтесь, вам ровным счетом ничего не угрожает! А теперь посторонитесь, мне нужно как следует размахнуться!

Девушка торопливо посторонилась, а я подлетел к своему иллюминатору и стал колотить по нему гаечным ключом. Иллюминатор, как я только что сообразил, место куда более уязвимое, чем люк, особенно на ракетах старых конструкций, где они еще не бронировались. После пятого или шестого удара иллюминатор треснул, а после десятого от него откололся порядочный кусок. Вдохновленный успехом, я замахал ключом вдвое быстрее, стараясь одновременно удержаться за обшивку, ибо силой отталкивания меня норовило отнести в сторону. Кислород уже кончался, поэтому приходилось спешить. Неудивительно, что про девушку я

почти забыл и вспомнил о ней лишь тогда, когда услышал ее голос:

– Вы сошли с ума: увечите собственный звездолет! Если вы себя еще хоть сколько-нибудь контролируете, мой вам совет – обратитесь к психиатру!

Оглянувшись, я увидел, как захлопнулся люк в ее ракете и с низким вибрирующим подрагиванием взвыли двигатели – стремясь выразить мне свое «фи!», малышка явно перегазовывала. Мгновение спустя красный звездолет «Феррари» исчез. Я вздохнул: примерно так заканчивались все мои встречи с девушками..

Размышляя о том, что и в космосе мне продолжает катастрофически не везти, я высадил иллюминатор и кое-как, едва не ободрав себе бока, протиснулся в ракету. Теперь уже Мозг был в моих руках, и, понимая это, он испуганно притих.

Заткнув разбитый иллюминатор подушкой, я поставил поверх нее герметизирующую заплатку из ремкомплекта. После этого, убедившись, что воздушный насос восстановил давление внутри ракеты, снял скафандр и, повесив его на плечики, убрал в шкаф. Я делал все нарочито медленно, зная, что Мозг в ужасе наблюдает за мной.

Затем я взял из набора инструментов молоток и, похлопывая им по ладони, подошел к Мозгу. Его процессор взволнованно дрожал, ожидая расправы.

– Хочешь жить? – спросил я у него. – Если хочешь, повторяй за мной: «Я – муха, сидящая на навозной куче, я – ничтожество, я – склизкий червяк...»

ВОСПОМИНАНИЕ ТРЕТЬЕ

Кое-как на своем подлатанном звездолете я дотянул до Мавририи, где в мастерской мне вставили новый иллюминатор, а заодно изготовили небольшой переносной пульт, который позволял в случае необходимости отключать Мозг и брать управление «Блином» на себя. Правда, механики долго не могли понять, зачем мне нужен такой пульт, но я прикинулся чудаком и в конце концов получил желаемое.

Мавририанские пирамиды, ради которых я провел в космосе целый месяц, по правде сказать, разочаровали. Торчат в пустыне три истукана, сложенные из потрескавшихся, огромных камней, а рядом толпятся легионы туристов. Впрочем, как потом выяснилось, туристов среди них было всего человек пятьдесят, остальные же оказались ищущими заработка экскурсоводами, болтливыми и назойливыми. Однако моей персоной ни один из них не заинтересовался: то ли меня самого принимали за экскурсовода, то ли на моей физиономии было написано, что у меня нет ни гроша.

Поглазев с полчаса на пирамиды, я отправился в космопорт и покинул Мавририю. Намерение посетить Новую Амазонию и ее очаровательных обитательниц я, по зрелом размышлении, отложил. Печальный опыт с представительницами прекрасного пола у меня уже имелся, расширять его не хотелось. Время показало, что я оказался прав. Но это тема другого рассказа… Теперь же мне хотелось наведаться в созвездие Дракона, где, как я почерпнул из справочника, в системе звезды Альфа есть «интереснейший мир Ханжония, в котором материальная культура и государственное мироустройство приобрели самые неожиданные и яркие формы, способствующие раскрепощению и наиболее полной реализации личности» (цитата из справочника).

О том, в чем именно заключались эти неожиданные и яркие формы, в справочнике не было ни слова. Клянусь, знай я все заранее, никогда не сунулся бы на Ханжонию и даже обогнул бы этот мир за несколько триллионов километров. А вы, уважаемые, если когда-нибудь встретите составителя этого каталога – что маловероятно, так как со дня выхода из печати сего опуса прошло уже шестьдесят пять лет, – оттузите его за меня от души, не обращая внимания на седины и почтенный возраст. Поверьте, он этого заслуживает!

Неприятности обрушились на меня еще на пути к Альфе Дракона. Я обнаружил, что мне подсунули негодный молекуляризатор. Первый месяц путешествия я вообще не включал его: было достаточно свертков и пакетов с провизией, которые собрали мне в дорогу заботливые родители, стремившиеся, очевидно, заглушить терзания своей совести, вызванные тем, что они произвели меня на свет. Когда же наконец с домашней пищей было покончено, я включил молекуляризатор, засыпал в него, как было сказано в инструкции, сто граммов пыли, вылил три стакана воды и набрал на дисплее: «Куропатка жареная с белыми грибами под винным соусом».

Вооружившись вилкой и ножом, я уселся перед молекуляризатором и заблаговременно приготовился к дегустации. Когда я представлял, как прожаренное крылышко куропатки будет похрустывать у меня на зубах, мой желудок сжимался от нежного трепета. На две секунды позже указанного срока дверца молекуляризатора открылась, и из нее выехала тарелка с манной кашей. При ее виде у меня на коже сразу стала появляться красная сыпь, а глаза зачесались – манную кашу я ненавижу с детства.

Вначале я решил, что неправильно задал молекуляризатору команду. Я набрал куропатку на дисплее во второй раз и для верности дважды нажал клавишу подтверждения, но в результате опять получил манную кашу. Тогда, предположив, что вследствие ошибки программирования куропатка с белыми грибами не входит в число известных молекуляризатору блюд, я стал последовательно требовать тефтели с гречневой кашей, плов, курицу с рисом, уху и отбивные котлеты с жареной картошкой. Но что бы я ни выбрал, эта дурацкая машинка вновь и вновь потчевала меня манной кашей. Лишь когда на столе выстроились в ряд по меньшей мере двадцать одинаковых тарелок, я понял, что мой молекуляризатор больше ни на что не способен. Он не умел приготовить даже гречневой и овсяной каши, которой я, окончательно разочаровавшись, смиренно просил под конец.

К тому времени я отмахал от Земли уже слишком много парсеков, чтобы возвращаться и устраивать в магазине скандал. Два дня я голодал, а потом, зажав нос прищепкой, кое-как проглотил тарелку этого варева. Вопреки ожиданиям, манная каша не показалась мне такой уж противной. Утолив голод, я надел гипнонаушники и засел за космонавигацию.

Через две недели, когда я уже запросто щелкал любые практические уравнения, в двигателе что-то стало подозрительно дребезжать – треснуло одно из седел поршней. В принципе, с такой неисправностью можно было продолжать полет, но я предпочел остановить ракету и, разобрав двигатель буквально по винтикам, вновь его собрать. «Это будет отличная практика! Нельзя полагаться на одних ремонтных роботов!» – убеждал я себя. До этих пор я никогда не собирал и не разбирал двигателей, поэтому к концу работы у меня осталось несколько шестеренок и две резиновых прокладки. Я представления не имел, куда их приткнуть. Впрочем, двигатель неплохо работал и без них, поэтому я особенно не переживал по этому поводу.

Пока я занимался ремонтом, Мозг хранил зловещее молчание и не помог мне ни единым советом. Только изредка из-за занавесочки, которой я задернул процессор, чтобы он не мозолил мне глаза, доносились звуки, похожие на злорадный смех.

– Подлый завистник! – говорил я ему, и хихиканье смолкало.

В последнее время у нас с Мозгом установилось нечто вроде вооруженного нейтралитета: каждый демонстративно старался не замечать присутствия другого, одновременно внимательно наблюдая за ним. Денег на замену процессора у меня пока не было, и Мозг это отлично знал.

Завершив ремонт, я продолжил полет, но не прошло и суток, как двигатель вновь заглох. Заглянув в топливную камеру, я обнаружил, что она пуста. Я удивился, потому что совсем недавно заправлял ее. Я подсыпал в двигатель еще молекул, и он заработал, но новой порции хватило всего на двенадцать часов. Я добавил еще мусора и бросил в камеру свои старые ботинки, надеясь, что их-то хватит надолго, но не тут-то было. Через сутки топливная камера вновь опустела. Тут я понял, в чем дело: собирая двигатель, я где-то допустил оплошность, и теперь он потреблял сырья раз в десять больше. Если прежде мой двигатель был на редкость экономичным, то теперь он пожирал вещество с жадностью черной дыры.

Это открытие меня обеспокоило: лететь до созвездия Дракона еще около месяца, а запасы топлива уже почти вышли. Однако разбирать двигатель вновь я не решился – кто знает, в очередной раз он мог вообще не завестись, и тогда я бы оказался затерянным среди созвездий без всякой надежды когда-нибудь добраться до обитаемого мира.

«Ладно, как-нибудь долечу. Заодно избавлюсь от хлама. Если задуматься, у меня полно лишних вещей», – успокоил я себя и стал постепенно подбрасывать в реактор то, что считал наименее ценным.

Вначале туда отправились развлекательные журналы моего предшественника и эротические диски, затем старые часы, утюг, кофеварка, половик и кресло. Все это двигатель сожрал с завидным аппетитом за каких-нибудь трое суток, а потом снова заглох.

Делать нечего – пришлось скормить ему расколотый на кусочки письменный стол, книжные полки, электрокровать вместе с одеялами и подушками, бритву, запас космического мыла, шоколадки с обертками, настольную лампу и даже дневник, который я вел, начиная с девяти лет. Затем настала очередь чемодана с вещами, обуви, бластера, скафандра, тульской двустволки, учебника по космонавигации, а потом я уже и не помню чего. Бегая по ракете, я в запале швырял в топливную камеру все, что попадалось под руку. Отправился бы туда и Мозг, но ему повезло: набор инструментов пошел на топливо в самом начале, а вручную отвинтить гайки, которыми Мозг крепился к борту звездолета, я был не в состоянии.

За оставшиеся три недели пути каюта опустела. Я сорвал даже обшивку со стен, и теперь то там, то здесь свисали оголенные провода. Под конец не осталось ничего, и тут, да простят меня дамы, мне пришлось раздеться донага и бросить в двигатель собственную одежду.

К счастью, к этому времени я как раз добрался до созвездия Дракона и находился неподалеку от Ханжонии. На мой радиовызов она не отозвалась. Чтобы дотянуть до планеты, я вынужден был отправить в топливную камеру свою рубашку, трусы и носки, оставленные в качестве последнего резерва топлива.

Сверху Ханжония выглядела необычайно привлекательно. Это была большая зеленая планета, примерно на треть покрытая мелким теплым океаном. Остальные две трети занимала суша с широколиственными лесами и сочными долинами, раскинувшимися вдоль полноводных рек.

Уже с орбиты я видел многочисленные следы человеческого присутствия – города, железнодорожные рельсы, большие промышленные свалки, пятна подтекшего мазута на океанской глади и высокие заводские трубы. Однако, к моему удивлению, ни одна из труб не дымила.

Настроив телескоп и направив его на ближайший город, я увидел, что он заброшен: на улицах ни единого пешехода, машины и флаерсы ржавели, брошенные где попало, многие дома были разрушены до основания, а сквозь их крыши и из пустых окон пробивались деревья.

Обнаружив на широкой равнине кладбище сгоревших танков, бронетранспортеров и другой военной техники, я догадался, что лет эдак сто пятьдесят назад на планете произошла война, причем, возможно, даже ядерная. Во всяком случае, вблизи городов мой дозиметр показывал очень высокий уровень радиации.

Я облетел еще несколько континентов – везде было одно и то же. Особенно жалкое зрелище представлял космопорт, похожий на огромную воронку. Вряд ли после взрыва с него взлетал хотя бы один корабль.

Я решил, что никто из жителей не спасся и планета необитаема. Огорченный, уже хотел собрать на Ханжонии какого-нибудь мусора, чтобы было на чем дотянуть до другого населенного мира, но тут на берегу реки, вдали от всех городов, увидел в телескоп картину поистине идиллическую.

В воде на сваях стояли деревянные хижины с крышами из сухого камыша. По реке сновали весельные и парусные лодки, а на берегах во множестве видны были люди. Одни стучали топорами, другие сгребали сено. По травянистым прибрежным лугам бродили тучные стада коров, коз и лошадей.

Я обрадовался, что жизнь на Ханжонии не угасла, и направил ракету к этому селению. В атмосфере топливо расходовалось быстрее, и мой «Блин» обрушился на поверхность планеты километрах в десяти от деревни. Кое-как, уже в самый последний момент, мне удалось выровнять рули, и, сломав верхушки десятка деревьев, ракета рухнула на небольшую лесную поляну.

Велев Мозгу открыть люк, я спрыгнул на землю и, волнуясь, обошел вокруг корабля. Кроны деревьев смягчили удар, и «Блин» почти не пострадал, если не считать незначительных вмятин. Но в любом случае, чтобы исправить двигатель и вытащить звездолет из чащи, мне требовалась помощь. Вспомнив, в какой стороне деревня, я решительно зашагал через лес. На ходу то и дело приходилось подпрыгивать и хлопать себя ладонями по бедрам, животу и груди: комары на этой планете были с хорошую осу.

«Чего же ты хочешь, Тит? Разве не романтики и суровых испытаний? Вот тебе и то, и другое!» – подбадривал я себя.

Часа через два, порядком распухший от укусов, с перекошенным набок лицом, я вышел к деревне. В стороне от остальных построек виднелся большой сарай, в котором, очевидно, располагалась мастерская или кузня. У входа стоял здоровый, простодушного вида детина в кожаном фартуке и сосредоточенно колотил молотом по наковальне. Занятый своим делом, меня он не замечал.

Прикрывшись лопухом, я подошел к нему поближе и негромко кашлянул, привлекая внимание. Детина поднял голову, уставился на меня и буквально остолбенел, вытаращив глаза. Я приписал его удивление своему жалкому виду – еще бы, голый да вдобавок и покусанный…

– Чего-то я тебя раньше не видал? Ты откуда, мужик? – подозрительно спросил он.

– Издалека, – объяснил я, с умилением слушая русскую речь. Уж кто-кто, а соотечественники не должны бросить меня в беде.

– Тогда, может, из Залесья? Хотя и там, кажись, голышом не бродят. Или тебя кто ограбил? – расспрашивал детина. Видимо, он хотел казаться доброжелательным, но сам так и буравил меня своими медвежьими глазками.

– Да не из Залесья я, приятель! С Земли. У меня на ракете движок накрылся, вот и пришлось все в топливную камеру побросать, даже одежду. – Вызывая к себе сочувствие, я на мгновение развел руки. – Где у вас тут ремонтников найти?

Продолжая испытующе разглядывать меня, детина сплюнул под ноги.

– Ремонтников, говоришь? – повторил он. – А зачем они тебе?

– Я же говорю: ракету нужно вытащить… – объяснил я и, начиная раздражаться его непонятливостью, заново повторил всю историю.

Но, кажется, детина уже просек, в чем дело. Его широкое лицо омрачилось.

– Ракету, говоришь? – протянул он с непонятной значительностью. – Подожди, мужик, я сейчас кликну кой-кого. Только смотри – никуда не уходи!

Повернувшись, он быстро побежал за сарай, зачем-то прихватив с собой кувалду. Я уселся в тени и принялся терпеливо ждать. Минуты через две ветер донес до меня топот множества ног.

«Ого, как спешат! Видно, надеются подзаработать. Жаль будет их разочаровывать», – с симпатией к милым простакам подумал я.

– Где техноман? – крикнул кто-то, не видя меня за оградой.

– Здесь! – Я высунулся из-за забора, поражаясь меткому местному юмору.

Но то, что я увидел, меня поразило. По полю неслись человек тридцать крестьян, вооруженных вилами, топорами и кольями. Впереди, указывая на меня, бежал тот самый детина.

– Вот гад, сам пришел! Хватай его, ребята! – орал он.

В следующую минуту кольцо сомкнулось. Я видел вокруг себя злые бородатые лица. Сжимая вилы, крестьяне разглядывали меня и переговаривались.

– Глянь, дядя Антип, и впрямь голый! Весь срам видать! – петушиным голосом прокричал какой-то парень лет семнадцати.

– Встань мне за спину, Серега! Не суйся вперед! Может, он с собой какую адскую стрелялку прихватил, – прогудел немолодой мужик с окладистой бородой – судя по важности, с которой он себя вел, то ли староста, то ли кто-то в этом роде.

– Я его сразу просек. Разнюхивать, гад, пришел! Разнюхает, а потом вся ватага сюда нахлынет. Им, сволочам, в их развалинах жрать нечего! – орал уже известный мне детина. – Топором его, и в реку – нечего церемониться!

– Погоди, Яшка! Надо прежде выпытать, где он свою железину припрятал, да узнать – один пришел али со товарищами? Они, техноманы, хитрые: одного вперед вышлют, а всей бандой в зарослях прячутся.

– А если не скажет, дядя Антип?

– Скажет, никуда не денется. Угли раздуем, ногами в них поставим – все выложит!

– Эй, техноман, говори, зачем пришел? Где твои железины? – высовываясь из-за спин, крикнул мне паренек.

– Какие железины? Ничего не понимаю, – пролепетал я.

– Не запирайся, техноман! Отвечай, где твоя банда? Куда железины спрятал? – спросили меня вкрадчиво.

Я вспомнил совет из справочника: при всех недоразумениях с переселенцами или аборигенами главное – демонстрировать дружелюбие. Лучше всего улыбнуться и в знак добрых намерений показать пустые руки.

– Послушайте, я не понимаю, что вы имеете в виду, называя меня техноманом! Я турист с Земли. Моя ракета упала в лесу. Здесь какое-то недоразумение! – Широко улыбаясь, я шагнул вперед, показывая пустые руки, но в этот момент кто-то, прокравшийся за оградой, засветил мне колом по уху так, что я упал. Крестьяне окружили меня и принялись сосредоточенно пинать. Делали они это без жестокости, но с чувством долга.

– Бей его, Серега, да не носком – отобьешь носок-то! Ты его пяткой шпыняй, да по ребрам, по ребрам! – советовал староста.

– А я пяткой и шпыняю, дядя Антип! Ишь ты, наглый какой: сам во всем признался! – это было последнее, что я услышал, прежде чем лишился чувств.

Когда я пришел в себя, над деревней уже сгустились сумерки. Все тело болело так, как если бы меня пропустили через камнедробилку. Языком я пересчитал зубы – осталось на удивление много. Затем попытался привстать, но лишь застонал. Связанный по рукам и ногам толстой грязной веревкой, я лежал в деревянной клетке посреди площади. Неподалеку пылал костер, возле которого прохаживались несколько крестьян. Судя по всему, настроены они были воинственно. Один держал в руке цеп, другие вооружились топорами и косами.

Мой стон привлек их внимание.

– Ишь, очухался, техноман! Живучий, сволота! – удивился один из сторожей, подходя к моей клетке. Я разглядел его: это был мужчина лет пятидесяти с толстым бабьим лицом.

– Что, техноман, болят ребры-то? – сочувственно спросил он.

Я кивнул. Во рту у меня так пересохло, что даже язык распух.

– Небось пить хочешь?

Я снова кивнул. Крестьянин отошел к костру и вернулся с большой бутылью. Заметив, что у меня связаны руки, он разрезал веревку ножом и просунул бутыль сквозь прутья. Я стал жадно пить. Вода была чуть солоноватой на вкус, но прохладной.

– Ну что, скажешь, где твоя шайка? – спросил сторож, протягивая руку за бутылью.

– Нет у меня никакой шайки. Я с Земли! – устало сказал я.

– Оно и верно. Какой тебе резон говорить? Все одно утром повесят… – добродушно сказал сторож.

– За что? – завопил я, подскакивая и ударяясь головой о крышу своей клетки.

– Так решил мир. Всех пойманных техноманов испокон веку вешают. Будто ты этого раньше не знал? Вы наших убиваете, а мы ваших.

– Да не знал я ничего! Даже не слышал никогда о техноманах! – крикнул я, ощущая, как тонко и жалко прозвучал мой голос.

– Полно врать-то! – зевнул крестьянин, равнодушно поворачиваясь ко мне спиной.

– Постойте! Позовите старосту! Я все ему объясню.

– Да не станет он тебя слушать. Тут и дураку все ясно. Одежи на тебе не было?

– Не было.

– В том, что использовал механизмы, сознался?

– Сознался.

– Ну вот видишь, кто же ты, как не техноман? – заявил мой собеседник, довольный тем, как ловко припер меня в угол.

С другой стороны площади из темноты послышались равномерные удары топора.

– Что это? – невольно спросил я.

– Виселицу тебе сколачивают. Да ты не слушай, парень, спи.

– Не стану я спать! Если уж меня повесят, объясните во всяком случае, кто такие техноманы! Имею я право знать? – завопил я.

Мой страж долго отнекивался, чесал в затылке, повторяя: «Что я, дурень – техноману про техноманов рассказывать? Ты мне лучше сам про них расскажи», – но в конце концов разговорился, и вот что я узнал.

Сто семьдесят лет назад на Ханжонии случилась атомная война. Кто с кем чего не поделил и кто напал первым, темный крестьянин не знал, но в результате девяносто восемь процентов всего населения было уничтожено, а значительная часть территории загрязнена. Выжившие постепенно разделились на две группы: первая называла себя «естественниками», провозглашала полный отказ от технического прогресса и уничтожение всех существующих механизмов, обвиняя их во всех своих несчастьях; другая – эти самые техноманы – считала, что технику можно оставить, проблема не в ней, а в самом человеке.

От Земли никакой помощи не поступало: там придерживались мнения, что взбесившийся мир, забросавший себя атомными бомбами, должен сам решить свои проблемы. Более того, пассажирская и торговая навигация на Ханжонию

была запрещена, и эта земная колония оказалась предоставлена сама себе, а потом о ней вообще забыли – кажется, она попросту затерялась в памяти правительственных компьютеров.

Прошло лет сто, и потомки уцелевших ханжонийцев, вынужденные вести натуральное хозяйство и тем самым отброшенные в средневековье, окончательно утратили память о прошлом своей планеты. Внуки и правнуки естественников знали только, что техники надо бояться как огня и обязательно казнить того, у кого найдут хотя бы наручные часы.

Потомки же техноманов, напротив, относились к технике как к божеству. Они поклонялись будильникам, ржавым тракторам, сенокосилкам, флаерсам и приносили им жертвы. Самое забавное, что пользоваться большинством механизмов техноманы постепенно разучились и вели себя подобно анекдотическому чукче, который, колотясь лбом в пол перед телефоном, повторял: «Телефона, телефона, позвони, чукча кушать хочет!» Новых механизмов техноманы строить не умели, зато ходили обвешанные железками, шестеренками, компьютерными кабелями и другим техническим хламом, давно пришедшим в негодность.

Вдобавок вследствие твердого убеждения, что за них все должны делать механизмы, техноманы оказались неспособными к физическому труду. Если естественники не сидели сложа руки, а ковырялись в земле, выращивая пшеницу, то техноманы ровным счетом ничем не занимались, сбивались в шайки и грабили поселки естественников, отбирая у них урожаи и угоняя скот. Разумеется, крестьяне ненавидели техноманов и расправлялись с ними, когда представлялась возможность.

Отличить техномана от естественника было довольно просто – техноманы ходили голыми, потому что не умели соорудить себе даже самой примитивной одежды, а та, которую они иногда отбирали у естественников, быстро превращалась в лохмотья, так как за ней должным образом не следили. Впрочем, климат планеты позволял обходиться без одежды.

Всю эту картину я восстановил по сбивчивому рассказу крестьянина, а кое-что, уже много лет спустя, вычитал в энциклопедии. Стало ясно, каким идиотом я был, когда, появившись голым в деревне, стал рассказывать про свою ракету.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что надежды на помилование нет: улики против меня, с точки зрения крестьян, были неопровержимыми. Стук топора не прекращался ни на минуту. На фоне Млечного Пути начинал уже вырисовываться мрачный силуэт виселицы.

И я решил бежать, причем немедленно, пока не рассвело. К счастью, охранявшие меня крестьяне не имели никакого представления о караульной службе. Вскоре трое стражей разбрелись спать по домам, а оставшийся улегся у костра, положил топор рядом с собой и захрапел.

Ощупав толстые деревянные палки, служившие прутьями клетки, я обнаружил, что они скреплены между собой кожаными ремнями. Кое-как с помощью ногтей и зубов мне удалось отвязать одну из палок и, ободрав бока, протиснуться между прутьями. Хотя я старался сделать все тихо, какой-то звук разбудил моего стража. Парень проснулся и заорал.

Не долго думая я огрел его по голове прутом от клетки и, прихрамывая, побежал к лесу. Кромешная тьма помогла мне скрыться. Затаившись в зарослях, я видел, как в деревне мелькают огни факелов. Можно было углубиться в лес, но я не решался, зная, что ночью непременно собьюсь с пути. В темноте я не мог сориентироваться, в какой стороне оставил ракету, а чтобы вспомнить, необходимо было дождаться рассвета.

Вначале факелы в деревне мелькали бестолково, но вскоре разделились на несколько групп, одна из которых направилась в мою сторону. Я забрался на дерево и спрятался в его кроне. Крестьяне с факелами ходили поблизости, но искать меня на дереве никто не догадался. Хорошо, что у них не было собак-ищеек, а бестолковые дворняги, увязавшиеся за хозяевами из деревни, лишь облаивали кусты и грызлись. Сидя на дереве и прижимаясь к его шершавому стволу избитым, ноющим телом, я пережил несколько неприятных часов, пока наконец на рассвете мои преследователи не собрались на лугу. Судя по оживленной жестикуляции, они спорили, продолжать ли поиски. Видимо, решено было, что хорошего – помаленьку, потому что вся толпа двинулась к деревне.

Осмотревшись и вспомнив, в какой стороне осталась ракета, я хотел уже слезть с дерева, но тут из леса донеслись воинственные крики, и на луг высыпала ватага голых людей, вооруженных кусками железных труб, булавами, цепями и копьями. Их было человек около ста.

На шее у каждого болтался амулет, представлявший собой какую-нибудь часть механизма – гайку, шайбу, болт, пружину... Предводительствовал шайкой мускулистый молодой мужчина в мотоциклетном шлеме. Я понял, что это – техноманы, собравшиеся для нападения на деревню.

Естественники, не успевшие уйти с луга, и техноманы с воинственными криками бросились друг на друга, и две толпы схлестнулись. Я так и не узнал, удалось ли крестьянам отстоять деревню, потому что со всех ног помчался к ракете. Я был так напуган, что все десять километров преодолел на одном дыхании, ни разу не остановившись, чтобы отдохнуть. Каким-то чудом мне удалось расчистить для ракеты стартовую площадку и, набив отсек корой, листьями и ветками, которые я потом использовал как топливо, за две с половиной недели дотянуть до одной из ремонтных станций.

Так закончилось для меня изучение одного из «интереснейших миров, материальная культура и государственное мироустройство которого приобрели самые неожиданные и яркие формы...»

ВОСПОМИНАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эксмена – одна из красивейших планет Млечного Пути. Расположенная в созвездии Центавра на оживленной космической трассе, она уже несколько столетий является межгалактическим курортом. Материков как таковых на Эксмене нет, зато огромный теплый океан, занимающий всю поверхность планеты, изобилует многими тысячами небольших коралловых островков, покрытых тропической растительностью, похожей на земную. По этим островкам разбросаны сотни небольших хижин, в которых можно отдохнуть как от шума и гама промышленных планет, так и от сосущей космической пустоты.

Жизнь островов на Эксмене очень интересна. Кораллы в тамошних теплых водах растут быстро, и каждый год на карте появляется с десяток новых островков, некоторые из них так малы, что там с трудом можно поставить походную кровать. В то время, как возникают новые острова, наиболее старые исчезают под водой, поскольку их основа – кораллы – столь же быстро разлагается, как и вырастает.

Что же до красоты эксменских ночей, то они давно стали одной из космических достопримечательностей, посмотреть на которую слетаются тысячи туристов. Стоит светилу закатиться за горизонт, все небо заливает голубоватое полыхающее свечение соседней газообразной галактики Центавр-А, подобное никогда не прекращающемуся северному сиянию.

За годы странствий мне многократно случалось бывать на Эксмене, и всякий раз, отдыхая от космоса, я оставался на ней по месяцу-два, плавая с аквалангом или надеясь найти среди тысяч островов такой, которого не было на карте, – за это полагалась хорошая премия, не говоря уже о том, что такой остров немедленно назывался в честь того, кто его обнаружил.

Межгалактический космопорт расположен на самом большом острове планеты – Елевферии. Основное занятие жителей этого острова – обслуживание (честнее было написать «обжуливание») туристов, продажа сувениров[1 - Недавно я обнаружил, что остров Елевферия исчез с карты – скорее всего, местные по кусочкам расковыряли его на сувенирные пепельницы и бусы.] и попрошайничество. Когда я прибыл на Эксмену впервые, там как раз было внесезонье, и, едва шагнув из ракеты, я увидел, что ко мне устремилась толпа человек в четыреста. Испугавшись, что я по неразумению нарушил какой-нибудь местный обычай и теперь меня будут за это бить[2 - Прецеденты, увы, порой случались.], хотел было заползти под свой корабль, но меня вежливейшим образом вытащили оттуда за ноги. Как я убедился в следующую минуту, толпа состояла в основном из экскурсоводов, таксистов и гостиничных зазывал. Смуглые лица с белозубыми хищными улыбками окружили меня со всех сторон, а нетерпеливые руки вцепились в скафандр.

– Отличный пансион! К вашим услугам двадцать комнат и три бассейна. Запомните – пансион «Девятый вал»!

– Выберите меня, господин хороший! Я покажу вам остров!

– Молчи, осел, пока я тебе нос не своротил! Разве ты не видишь, что господин приехал охотиться на акул? Прошу, сюда... У меня есть все необходимое снаряжение!..

Видя, что я в замешательстве, таксисты и экскурсоводы, постепенно входя в раж, стали тянуть и толкать меня каждый в свою сторону. Очень быстро они

разбились на партии и стали вдумчиво молотить друг друга кулаками, стремясь отвоевать меня у конкурентов. Затрещал скафандр. Я почувствовал, что еще немного – и буду разорван в клочья. Крики, что у меня нет денег, не помогали: видно, не верили.

Спасло меня лишь то, что я догадался вывернуть карманы, продемонстрировав их зияющую пустоту. Тотчас экскурсоводы и таксисты потеряли ко мне интерес и сомкнутым строем атаковали пожилую японскую чету, появившуюся на трапе одной из ракет и немедленно начавшую щелкать фотоаппаратами. Ко мне же эти подхалимы настолько охладели, что едва соизволили объяснить, как пройти к гавани.

Там у меня была назначена встреча с Артамоном Николаевым, с которым мы лично не были знакомы, но который приходился двоюродным братом одному из моих друзей. Насколько я был наслышан, Артамон занимался тем, что отлавливал редких животных и продавал их в зоопарки разных галактик. Неделю назад я получил от него лазерограмму, в которой он буквально умолял меня прибыть на Эксмену по очень срочному делу. Так получилось, что в то время я находился всего в шестидесяти миллиардах километров и счел возможным сделать небольшой крюк.

Встреча была назначена в ресторане «Галактические бродяги» – прокуренном кабаке с роботами-официантами, оркестром и зеленоволосой певичкой с красивыми ногами, которая разгуливала с микрофоном по залу и отсутствие голоса возмещала тем, что охотно садилась посетителям на колени. За стойкой бара взбалтывал коктейли чешуйчатый квадратный труфальдиец со сломанным носом и оценивающим взглядом каннибала.

Хотя в «Галактических бродягах» были заняты все столики, Артамона я узнал сразу по рассказам моего приятеля. Описание оказалось очень точным: он действительно смахивал на бочку весом эдак килограммов в двести, украшенную бородкой и мушкетерскими усиками.

Не успел я подойти, как Николаев вскочил и, отодвинув животом столик, сгреб меня в медвежьи объятия.

– Ба, Тит! Сколько лет, сколько зим! – завопил он, нимало не смущаясь тем, что это была наша первая встреча.

Честно говоря, я не понимал, как он вычислил меня: моя внешность отнюдь не была такой примечательной.

– Я тоже очень рад, – сказал я, стараясь спасти свои ребра. – Но как ты узнал меня? По скафандру?

– Ничего подобного! Здесь куча народу в скафандрах. Но, войдя сюда, ты ударился лбом о притолоку и в упор не заметил робота-официанта, который пытался указать тебе свободное место за столиком. Это вполне совпадает с тем, что я о тебе слышал.

Я усмехнулся, поняв, что наш общий приятель и мне дал самую исчерпывающую характеристику. Мы сели за столик и заказали два вишневых харакири – местный коктейль, названный так по ощущению в желудке, которое он после себя оставляет.

После обмена новостями о Земле Николаев сразу перешел к делу.

– Твой звездолет на ходу? – спросил он.

– Пока да, – ответил я осторожно.

С «Блином» никогда нельзя точно знать, на ходу он или нет: всякую минуту мой корабль мог выкинуть фортель.

– Вот и отлично. Брат говорил, ты собираешься к Змееносцу?

– Собираюсь, – кивнул я, ругая себя за болтливость.

– Просто чудесно! Не мог бы ты захватить с собой пассажира? Его нужно доставить на Рас Альгети. Это тебе по пути.

– Я почему-то всегда считал, что Рас Альгети в Геркулесе, – сказал я с сомнением.

Брать с собой пассажира не хотелось: моя ракета не так велика, чтобы два человека могли разместиться в ней, не наступая друг другу на головы.

Артамон расплылся в обаятельной улыбке:

– Я смотрел по карте, Геркулес и Змееносец почти рядом. Ну, может быть, лишняя неделька пути. Заодно посмотришь Геркулес. Говорят, там прекрасное шаровое скопление звезд.

Я попытался открутиться, говоря, что скорее всего полечу в ту сторону не сейчас, а в следующем году, но Артамон напирал, как танк, и я в конце концов уступил.

– Ладно, черт с тобой! Надеюсь, твой пассажир хотя бы не болтун?

– В этом ты можешь быть совершенно уверен. Ты не услышишь от него ни звука. Это эксменский ленивец.

У меня глаза на лоб полезли.

– Что? Когда я соглашался, то не знал, что речь идет о животном!

– А ты раньше видел эксменских ленивцев? – с легким беспокойством спросил Артамон.

– Не видел. А что?

– То-то и оно, что не видел! – В голосе моего собеседника явно прозвучало облегчение. – Если бы ты был с ними знаком, то знал бы, что это не животное, а прекрасная небольшая зверушка. Убежден – ты в нее влюбишься. Это единственный биологический вид, населяющий Эксмену, не считая рыб, разумеется. Он обитает на больших и средних по размеру островах. Эти звери поразительно ленивы: целыми днями лежат под пальмами и ждут, пока им на голову не свалится банан. Если банан не сваливается, они умирают с голоду. Поймать ленивца не составило никаких хлопот. Он даже не пошевелился, когда мы набросили на него сеть.

– Я счастлив, что ты его поймал, но я-то здесь при чем? У меня маленькая одноместная ракета, а не летающий зверинец.

– Видишь ли, Тит, этого ленивца оплатил зоопарк на Рас Альгети, но отправлять его багажом не хочется, а самому проводить в ракете три месяца – от одной этой мысли жуть берет. Если ты все равно летишь в те края, то почему бы тебе меня не выручить?

– Где твоя зверушка? – вздохнул я.

– Она уже в твоей ракете. Ее должны были доставить десять минут назад, – как бы невзначай сказал Артамон, бросив взгляд на часы.

Я посмотрел на него с таким бешенством, что он сразу стал расплачиваться:

– Прости, что сразу тебя не предупредил, но я был уверен, что ты не откажешься. И потом: погрузка животных – это такая морока, от которой мне хотелось тебя избавить. Не волнуйся, таможенные формальности я все уладил, а кормление ленивца не составит проблем. Я распорядился, чтобы тебе загрузили несколько ящиков бананов. Кстати, и сам можешь их есть. Эй, не смотри на меня так. Мне пора!

И Артамон исчез с поразительной для такого толстяка поспешностью. Мне же отчего-то стало не до местных красот, и я отправился в космопорт.

Когда я заглянул в приоткрытый люк своего звездолета, мне почудилось, что трап ушел куда-то из-под моих ног. То, что торговец животными описывал как небольшую, симпатичную зверушку, оказалось громадным, размером с гориллу, существом, мохнатым и большеглазым, с грустным вислым носом и мускулатурой ярмарочного борца. Ленивец сидел в клетке и меланхолично жевал бананы, роняя кожуру себе на колени. Когда я вошел, он, не поворачивая головы, покосился на меня и продолжил свое занятие. Не заходя в ракету, я немедленно бросился искать Артамона, но мне сообщили, что десять минут назад он отбыл на пассажирском корабле в созвездие Стрельца. Меня надули! Я остался один на один с эксменским ленивцем, оставалось только выполнить взятое на себя обязательство. И как я не почувствовал подвоха, когда Артамон мимоходом поинтересовался, не видел ли я прежде этих зверей?

Клетка с ленивцем и ящики с бананами загромоздили всю каюту, оставив лишь узкий проход. При одной мысли, что мне придется жить бок о бок с этим нечистоплотным мохнатым гигантом три месяца, мне немедленно захотелось

вышвырнуть его в открытый космос.

Зевнув и продемонстрировав желтые клыки, ленивец нехотя просунул сквозь прутья лапу, придвинул к себе ящик и, открыв крышку, занялся очередным бананом. Судя по размеру его брюха, там располагалась настоящая фабрика по переработке продовольствия.

Вздохнув, я тоже взял банан и, присев на кресло, спросил:

– Ну, и что мы будем с тобой делать?

Вместо ответа ленивец икнул и уронил кожуру на дно клетки.

Не задерживаясь на Эксмене, ибо каждый лишний час, пока этот жующий зверь находился у меня на звездолете, приносил лишь новое расстройство, я поспешил покинуть планету и взял курс на созвездие Геркулеса. Судя по расстоянию между звездными системами, полет должен был занять около восьмидесяти семи дней. Первые несколько недель полета ленивец страшно раздражал меня, и я даже пробовал завесить его брезентом. Но постепенно я привык к своему постояльцу и даже стал относиться к нему с легкой симпатией.

Ленью это животное обладало просто поразительной. Когда оно не спало, прислонившись спиной к прутьям клетки и громко при этом храпя, то жрало, а если не жрало, то тупо глазело в пространство. Правда, порой ленивец оживлялся – это происходило тогда, когда я включал классическую музыку, в основном Чайковского или Свиридова. Оживление проявлялось в том, что зверь слегка приподнимал огромную, как котел, голову и прислушивался.

Казалось, каждое движение доставляет ленивцу физическую муку. Прежде чем протянуть лапу за бананом, он обычно долго вздыхал и гипнотизировал меня взглядом, словно умоляя, чтобы я сунул банан ему в рот, не заставляя его самого заниматься этим непосильным трудом. Иногда, поддавшись, я швырял ему банан, и тогда ленивец слегка кривил край рта, видно, довольный результатом своего опыта.

Постепенно убедившись, что гигант абсолютно безопасен, я перестал запирать его клетку после уборки. Когда я в первый раз не запер его, ленивец слегка приподнял одну бровь и покосился на меня с некоторым беспокойством, словно

опасался, что я заставлю его вылезти из клетки и пройтись.

На сорок восьмой день полета, примерно на полпути к Геркулесу, я проснулся от запаха гари. Открыв глаза, я обнаружил, что весь отсек заполнен едким дымом, который струился из фотонного ускорителя – одного из главных блоков двигателя. Схватив огнетушитель, я погасил огонь. Когда вентиляционная система всосала дым, я открыл крышку дымившегося блока и застонал. От короткого замыкания все его детали и провода сплавились в единый почерневший ком, который теперь годился лишь на то, чтобы запустить его в конструктора этого дурацкого агрегата.

Усевшись на пол, я сжал виски руками.

– Вот что значит покупать корабль класса Z! – горько произнес я, обращаясь к ленивцу.

Без фотонного ускорителя продолжать полет было возможно лишь с самой мизерной скоростью – с такой, что дорога до ближайшей населенной системы заняла бы около трех тысяч лет.

Мы находились в неосвоенном созвездии Лиры вдали от основных космических трасс. Рано или поздно Артамон, конечно, спохватится, что его ленивец пропал и я вместе с ним, организует поиски и нас найдут, но когда это произойдет? Через три года, через пять?

Вспомнив про лазеропередатчик, я бросился к нему, чтобы послать сигнал бедствия, но в этом секторе космоса он не действовал – сигнал надежно глушила соседняя радиогалактика через две пульсирующих переменных звезды-цефеиды.

– Можешь считать, что наше путешествие закончилось! – сказал я ленивцу, испытывая потребность в собеседнике. – Без фотонного ускорителя что лететь, что стоять на месте – разницы никакой.

Ленивец посмотрел на меня довольно осмысленно, а потом протянул лапу, вытащил из ящика банан и уставился на него с таким видом, будто мучительно размышлял: очистить банан, а потом его съесть, или съесть нечищеным, что не так приятно, зато работы меньше?

– Давай, давай! Пользуйся моментом! Скоро придется переходить на манную кашу и трескать ее очень долго, – сказал я ему.

Пробыв в унынии до вечера и решив проверить, нельзя ли как-нибудь починить ускоритель, я открутил блок от двигателя, разложил его на газете и стал удрученно разглядывать спекшиеся детали. Надеясь на помощь Мозга, который соображал в этом больше меня, обратился к нему, но Мозг ехидно сообщил:

– Если тебе действительно нужен совет, вот он: надень все чистое, ляг на кровать и возьми в руки свечку.

– С какой это стати? Не собираюсь умирать! – вспылил я. – Рано или поздно нас начнут искать и найдут.

– Ты не знаешь элементарной физики, – не без злорадства произнес Мозг. – Полистай-ка справочник и убедишься, что без фотонного ускорителя через десять часов начинается необратимая атомная реакция, а потом двигатель взрывается.

Я схватил справочник, открыл его на нужной странице и увидел, что Мозг не обманул. Если бы в первые минуты после аварии я догадался отключить двигатель, нам удалось бы еще спастись, но теперь было слишком поздно – реакция, вероятнее всего, уже началась.

– Почему ты меня сразу не предупредил? – заорал я на Мозг.

– Сам виноват – не надо было отключать мне звук! – негодуя, заявил он.

– И что, сейчас уже ничего нельзя сделать?

– Абсолютно, – заверил меня Мозг. – Впрочем, надеть белые тапочки ты еще успеешь. Самое обидное в этой ситуации, что при взрыве я тоже погибну, но меня утешает, что во мне нет схемы страха.

Не желая слушать его разглагольствований, я выключил рубильник, а сам бросился к двигателю, решив вытащить из него стержень в надежде, что это остановит реакцию. Я уже протянул руку, как вдруг в сознании у меня прозвучал

незнакомый голос:

– Не трогай стержень! Это приведет к ускорению процесса! Лучше сними с двигателя стальной кожух и соедини красный провод с синим.

Я обернулся и увидел, что эксменский ленивец внимательно смотрит на меня из своей клетки. «Не может быть, чтобы со мной говорила эта инопланетная обезьяна, – подумал я. – Но кто же тогда? Должно быть, у Мозга есть запасной динамик».

– Нет у него никакого запасного динамика! Ты что – оглох, не слышишь, что советуют? Снимай кожух с двигателя! – вновь услышал я тот же голос.

– Это ты со мной говоришь? – борясь с безумием, нерешительно спросил я.

– Разумеется, я! – Хотя ленивец не приоткрыл рта, его голос явственно прозвучал у меня в мозгу.

– А кто «ты»?

– О боже, я предчувствовал, что начнутся вопросы!.. Я – разумное существо с Амтаракса. Вы зачем-то называете наш мир Эксменой. А теперь пошевеливайся, если жизнь на этом свете тебя не слишком утомила!

– С какой стати я буду тебя слушать? – заупрямился я.

Ленивец просунул лапу сквозь прутья, положил мне ее на плечо и подтянул меня к клетке.

– Послушай, дружище, надо поторопиться. Выбирай: или ты будешь, не задавая вопросов, делать то, что я говорю, или мы с тобой вместе взлетим на воздух. В этом Мозг совершенно прав.

Утопающим свойственно хвататься за соломинку, так и я, не раздумывая, подчинился звучащему у меня в сознании голосу, взял гаечный ключ и стал снимать с двигателя кожух.

– Молодец, быстро справился! – одобрил ленивец. – Видишь красный провод? Обрежь его и соедини с синим… Нет, синий не обрезай, только зачисти, чтобы был контакт… Сделал? Теперь отсоедини трансформатор от вентилятора и установи его на место центральной катушки зажигания. Это должно отсрочить взрыв… Готово? Теперь отвинти пульсатор от гамма-излучателя… Ты не то трогаешь! Гамма-излучатель – это вот та фиговина, похожая на цилиндр… Теперь вытащи из пульсатора шестерню и установи ее на дополнительный разъем… Отлично! Теперь отдери от стены свою электрокровать. Нам понадобится ее электромотор и пара пружин…

Следующий час я работал, как каторжник: разбирал пылесос и молекуляризатор, спаивал провода, раскручивал гайки, складывал мозаики из цветных стекол… и вообще был занят каким-то безумием. Я выбрасывал из двигателя самые важные части и вставлял на их место такую дрянь, что было даже неловко перед кораблем.

Ленивец занимался исключительно руководством, разве что однажды, когда одному мне было никак не справиться, он соизволил придержать гаечный ключ, высунув лапу из клетки.

Наконец, когда, на мой взгляд, двигатель годился лишь на то, чтобы, привязав его себе на шею, прыгнуть с ним на какую-нибудь звезду, ленивец неожиданно объявил:

– Теперь можешь надеть крышку. Оставшиеся детали выброси. Их ваша цивилизация изобрела явно от больного воображения.

– Все равно без фотонного ускорителя мы надолго здесь застряли, – растерянно сказал я.

– О фотонном ускорителе можешь забыть. Теперь двигатель будет работать и без него. Я малость усовершенствовал эту примитивную конструкцию. Мы уже летим, если ты еще не заметил.

Я недоверчиво взглянул в иллюминатор, и по тому, что звезды слегка сместились, заключил: «Блин» неуклонно набирает скорость.

– Невероятно! Как вам это удалось? – пораженно спросил я ленивца.

– Видишь ли, друг мой, этот двигатель разработала дюжина недалеких и противоречащих друг другу умов. Все, что от меня требовалось, – упростить конструкцию, приведя труд этих мужей к единому знаменателю. Кстати, мы еще не знакомы. Меня зовут Эр.

– Спорю: вы – специалист по механике и двигателям! – сказал я, думая польстить инопланетянину, но ленивец лишь поморщился:

– Чушь! Я никогда раньше не видел ни одного двигателя. Нашей цивилизации они вообще неизвестны. Я действовал чисто интуитивно, воспользовавшись кое-какими познаниями – весьма неполными и хаотичными! – из вашего мозга.

– До сих пор не привыкну, что вы разумны, – пробормотал я. – После этой клетки... Почему вы раньше не открылись? Я... я относился бы к вам совсем иначе.

– Именно этого я и боялся. Того, что вы будете утомлять меня своей болтовней, – вздохнул Эр. – Если бы не необходимость, я ни за что бы не вышел на контакт. Вижу, вам не дает покоя любопытство – отличительная черта тех, кто не может мыслить самостоятельно. Так и быть, задавайте вопросы.

– Э-э... – замялся я, не зная с чего начать. – Вы – представитель разумной высокоразвитой цивилизации...

– Не просто высокоразвитой, – снисходительно уточнил Эр. – Не в обиду будет сказано, я превосхожу любого из ваших гениев по меньшей мере в несколько десятков раз. Мои знания по сравнению с вашими безграничны, и это при том, что ничего мне не стоили: они наследственны и интуитивны, они не нуждаются ни в зубрежке, ни в материальных носителях – таких, как ваши нелепые компьютеры или книги.

– Но позвольте... как же вы, разумное существо, позволили затолкать себя в клетку? На вас напали неожиданно?

– Напротив, это был сознательный выбор. Захоти я – никакая клетка не помешала бы мне. Я расплавил бы ее, собрав из воздуха горстку нейтронов, или так отфильтровал бы сознание зверолова, что он не увидел бы меня, даже

находясь в трех шагах. Но я не собираюсь ничего предпринимать. Положение меня вполне устраивает.

– Но разве свобода для вас не важна?

– Исключительно как свобода мысли, а движение – величайшее зло. Поэтому нам безразлично: жить ли в зоопарке или на родных островах... Вся главная, что-то значащая для нас часть жизни проходит в глубинах сознания. Это вам, землянам, чтобы существовать, надо бегать и суетиться. Порой я удивляюсь, сколько лишних и бессмысленных движений вы совершаете! Девяносто пяти, даже девяносто девяти процентов из них можно было бы легко избежать. Но, думаю, бессмысленно осуждать вас: путь вашего народа во Вселенной – это путь действий, лишенных смысла. Наш же – путь чистой мысли. Мы – народ идеальных мыслителей, то есть таких мыслителей, которые мыслят, ничего при этом не предпринимая.

– Мыслить – это хорошо, но почему ваш народ до сих пор не вышел на контакт с человечеством? Неужели вас устраивает положение вещей, при котором вас считают животными? – удивленно спросил я.

– Безразлично, что вы о нас думаете. Становится жутко, когда мы представляем, сколько лишней беготни и суеты вы поднимете, если узнаете, что мы разумны. Нахлынут ваши так называемые «ученые мужи» – и пошла кутерьма. Надо будет говорить, что-то объяснять, спорить, доказывать, а для нас это невыносимо. Ведь на разговоры тратится та энергия, которая в ином случае пошла бы на мысль. К тому же наш разум весьма своеобычен. У нас нет ни машин, ни одежды, ни домов, мы не летаем в космос и не пашем землю.

– И войн у вас тоже не бывает?

Эр поморщился:

– Разумеется, нет. Для того чтобы воевать, нужно вставать на ноги, брать в руки палки, камни, колотить по головам и туловищам... Сколько бессмысленных, глупых усилий, какие затраты энергии, а все ради чего? Если бы нам было что отнимать друг у друга...

– А чем же вы в таком случае занимаетесь?

Хотя на лице Эра не шевельнулся ни один мускул, но на нем появилось какое-то иное – неуловимое – выражение.

– Мы мыслим, созерцаем и мечтаем. Причем мечтаем совсем иначе, чем вы, земляне. Все ваши мечты так или иначе привязаны к утилиту – домам, предметам, чувственным наслаждениям, и вы не можете вырваться из этого круга. Мы же создаем внутри своего сознания целые страны и континенты, населяем их народами, которые перемещаются, действуют, сражаются, влюбляются, совершают тысячи подвигов и безумств. Но даже в мечтах... нам... не... удается... избежать жизненной... пра... а-а-ф! (Здесь Эр, не выдержав, зевнул.)

– Какой правды? – спросил я, чувствуя, как речь собеседника замедляется в моем сознании: ленивцем, вероятно, овладевала дрема.

– А-а?! Простите, – очнулся инопланетянин. – А правда в том, что эти народы жиреют, привязываются к комфорту, становятся сухими, эгоистичными, стареющими, а под конец погибают, и нам приходится представлять новые. Причем каждый из нас воображает свои миры – у кого-то это может быть мир гуманоидов, а у кого-то – мир летучих камней или космических систем. Например, я могу совершенно четко представить, как две галактики ссорятся из-за того, что одна случайно обчихала другую метеоритами, а та сгоряча запустила в нее черной дырой или радиотуманностью... Землянам этого не постичь.

– Ну, положим, я тоже могу себе это представить! – сказал я с обидой за свой народ.

– Разумеется, можешь, тем более что примеры я беру из твоего сознания, как наиболее тебе доступные, – снисходительно согласился Эр. – Другое дело, если бы я взял тебя в область своего сознания, – тогда ты утонул бы в нем, но так ничего и не понял. Поверь мне на слово: землянам никогда не постигнуть, в какие дали Вселенной мы забредаем мысленно. Каждый из нас несет в себе мир намного более сложный и прекрасный, чем тот, что мы видим вокруг. Иногда, поверишь ли, лежишь утром на песке и глаза лень открыть, потому что, во-первых, знаешь все, что увидишь, а во-вторых, потому что реальность куда скучнее, чем мечты. Если я в конце концов и открываю глаза, то только мучимый голодом, чтобы посмотреть, не упал ли с пальмы очередной банан, и если упал,

то не слишком ли далеко и можно ли дотянуться до него, не вставая. Порой мы мечтаем о тех временах, когда сконструируем машину, которая будет сама выращивать бананы и ронять их прямо нам в рот. По правде сказать, придумать такую машину не составляет труда, но среди нашего народа нет никого, кто был бы в состоянии собрать ее по чертежу. Любой из нас умрет от изнеможения, прежде чем накрутит гайку на болт. И это при том, что у нас нет ни болтов, ни гаек.

Я хмыкнул. Громадный ленивец, который, свесив голову на грудь, сидел в клетке и во время разговора лишь изредка покачивал правой ступней, внушал мне больше жалости, чем уважения, хотя я и признавал его интеллектуальное превосходство над собой.

– Могу себе представить, во что для вас превращаются семейные отношения. Должно быть, это сущая мука, – сказал я.

Эр уныло кивнул:

– Верно подмечено. Для нас это большая проблема, ибо семья и любовь, к сожалению, требуют многих неоправданных движений. К счастью, наши дети рождаются уже достаточно приспособленными и не требуют к себе внимания. Правда, они не сразу могут находить бананы, зато интуитивными знаниями наделены с момента рождения. К сожалению, год от года у нас рождается все меньше детей, а все потому, что мы ленимся производить те сопутствующие усилия, которые предшествуют их появлению на свет. Если так пойдет и дальше, то вскоре наш народ вымрет окончательно. Впрочем, возможно, мы найдем способ, как существовать ментально, не существуя физически.

С каждой минутой инопланетянин говорил все медленнее и увеличивал паузы. Очевидно, телепатическое общение со мной было ему утомительно. Я подошел к иллюминатору. Скорость корабля неуклонно возрастала. Уже сейчас, хотя это был далеко не предел, заново собранный двигатель решительно бил все рекорды. В иллюминаторе отчетливо обозначился Рас Альгети – маленькая золотая песчинка, словно приклеенная к небосклону прямо по курсу «Блина». Я прикинул: если звездолет будет разгоняться так и дальше, мы достигнем заданной планетной системы не позже, чем недели через две.

– Эр, вы уверены, что мне не стоит изменить курс? Еще не поздно вернуться на Эксмену. Неужели вы хотите, чтобы я доставил разумное существо в зоопарк, где вас посадят в вольер с толстыми прутьями и станут бросать вам кусочки булок? – спросил я с волнением.

– Булки – это вкусно, – заторможенно откликнулся он. – Меня вполне устраивает, если кто-то будет заботиться о моем физическом теле. Признаться, самого меня эти заботы обременяют. Если бы ты только знал, землянин, сколько наших утонуло на Амтараксе лишь потому, что поленилось перейти с затонувших островов на соседние… Я – только первая ласточка, пробный шар… Между собой мы уже обо всем договорились. Если в зоопарке мне понравится, я дам знать на Амтаракс и тогда весь мой народ разбредется по многочисленным зоопаркам и зоосадам Вселенной, чтобы свободно мыслить, не заботясь о бренном.

Внезапно он спросил меня:

– Не возражаешь, если я воспользуюсь твоей кроватью? Невыносимо затекла спина…

Ленивец зевнул и, шагнув из клетки к моей кровати, упал на матрас как подкошенный. Через минуту каюта уже оглашалась его могучим храпом. Я глубоко вздохнул, сообразив, что гигант прочно оккупировал кровать до конца путешествия, а мне, пока я не сбуду его с рук, придется спать на пустых банановых ящиках.

Через двенадцать дней мы были в планетной системе Раса Альгети. Я передал эксменского ленивца в зоопарк и лично проследил, как его устраивают в зеленом вольере со специально клонированными пальмами, на ветвях которых зрели тяжелые банановые гроздья.

– Имейте в виду: он любит хорошо созревшие бананы – такие, которые сами падают! И не тормошите его слишком часто – ему это не нравится! – предупредил я.

Уже уходя из зоопарка, я почувствовал мысленный призыв Эра. Обернулся и увидел, как он машет мне лапой. Могу представить, каких усилий ему это стоило.

ВОСПОМИНАНИЕ ПЯТОЕ

Как-то утром, чтобы не утратить спортивную форму, я занимался с гантелями и от нечего делать переругивался с Мозгом, как вдруг в иллюминаторе что-то мелькнуло. Я бросился к нему и увидел пузатую стеклянную бутылку, неторопливо следовавшую куда-то в метеоритном потоке. Мне почудилось даже, что в бутылке лежит свернутый лист. Развернув звездолет, я догнал метеоритный поток и, высунувшись из люка, ловко ухватил бутылку за горлышко.

Она была темно-йодного цвета и запечатана плотной сургучной печатью. Сразу стали вспоминаться легенды о терпящих бедствие ракетах и флибустьерских кладах, спрятанных на отдаленных астероидах. Уверенный, что мне попало в руки именно такое уникальное послание, я вытащил из бутылки лист, оказавшийся свернутым пергаментом со множеством печатей. На пергаменте золотыми буквами сияли слова, которые я довольно быстро расшифровал с помощью компьютера:

* * *

ПРИМИ НАШЕ МИЛОСТИВЕЙШЕЕ ПРИВЕТСТВИЕ, НЕВЕДОМЫЙ ЧУЖЕЗЕМЕЦ!

ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РОЗИЛИИ, МАЛОЙ И БОЛЬШОЙ ИБИРИИ, А ТАКЖЕ КРАИНИЛИИ, ЛОРУСИИ И ВСЕЯ КОНТИНЕНТИИ ОТ ЛЕДИЛИИ ДО ЧЕРНЫХ ГОР ИВАНИУС II ВЕЛИКОДУШНО ПРИГЛАШАЕТ ТЕБЯ НА ПЛАНЕТУ ПРИЗИЮ.

ТЕБЯ ПРИМУТ В МРАМОРНОМ ДВОРЦЕ НА БЕРЕГУ МЕЗОЗОЙСКОГО ОКЕАНА, ТЫ БУДЕШЬ УДОСТОЕН ЧЕСТИ УЧАСТВОВАТЬ В ОХОТЕ НА ДИНОЗАВРОВ И В СКАЧКАХ НА ГРИФОНАХ, БУДЕШЬ ПРЕДСТАВЛЕН ЦАРСКИМ РУСАЛКАМ, СМОЖЕШЬ НАСЛАДИТЬСЯ ЗРЕЛИЩЕМ НАГИХ ДЕВУШЕК, ПЛЯШУЩИХ ПОД ЦВЕТУЩИМИ ФИГЛЯМИ, СОВЕРШИШЬ ПРОГУЛКУ В ПРОЗРАЧНОМ КОЛОКОЛЕ ПО ОКЕАНСКОМУ ДНУ, А ТАКЖЕ ЕДИНСТВЕННЫМ ИЗ ЧУЖЕЗЕМЦЕВ СМОЖЕТ ЛИЦЕЗРЕТЬ ЦАРСКУЮ СОКРОВИЩНИЦУ.

СЕЙ НЕСКАЗАННОЙ МИЛОСТИ ТЫ УДОСТОЕН В ДЕНЬ ТОРЖЕСТВА В ЧЕСТЬ ДЕСЯТИЛЕТНЕГО МИЛОСТИВЕЙШЕГО ПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРЯ ВСЕЯ РОЗИЛИИ, МАЛОЙ И БОЛЬШОЙ ИБИРИИ, А ТАКЖЕ КРАИНИЛИИ, ЛОРУСИИ И ВСЕЯ КОНТИНЕНТИИ ОТ ЛЕДИЛИИ ДО ЧЕРНЫХ ГОР ИВАНИУСА II.

* * *

Под пергаментом была проставлена дата пятилетней давности. Тогда же, очевидно, бутылка и была запущена в космос. Я порядком удивился и обрадовался. Судя по множеству царских печатей, гербов и собственноручной размашистой подписи Иваниуса II, свидетельствующей о том, что этот славный монарх лучше владеет копьем, чем пером, приглашению на Призию можно было доверять. Возможность отдохнуть на одной из красивейших планет показалась мне весьма привлекательной, тем более что в данный момент я был абсолютно свободен. Брачный сезон межзвездных лососей, которые для нереста преодолевают многие триллионы километров, путешествуя по центральным созвездиям Млечного Пути, еще не начался, равно как в связи с метеоритными дождями не открылась и навигация в созвездиях Паруса и Киля, куда я давно собирался.

Пролистав межзвездный атлас на букву «П», я узнал, что Призия – самая большая освоенная планета в созвездии Летучей Мыши. Двести десять лет назад Призия была обнаружена звездолетом-разведчиком, который сообщил на базу, что протяженностью по экватору планета превосходит Землю в 1,1 раза, на ней имеются довольно большие запасы руд, два океана и три континента, атмосфера пригодна для дыхания, а продолжительность суток – 27 земных часов. Все это сразу поставило Призию на одно из первых мест в списке планет, рекомендуемых для заселения.

Но уже после того, как на Призии высадились первые колонисты, выяснилось, что на планете существует и собственная гуманоидная жизнь, переживающая стадию раннего Средневековья: с рыцарскими замками, становлением городов, феодальными распрями, крестьянскими волнениями и другими проявлениями, характерными для данной социоисторической эпохи.

Межгалактической этикой строго возбраняется колонизировать планеты, заселенные разумными существами, на какой бы стадии развития они ни находились. По этой причине земная колония с Призии была немедленно

вывезена, однако несколько десятков первых поселенцев все же тайком остались, смешавшись с местным населением. Никаких серьезных изменений в историческом развитии это за собой не повлекло, а, напротив, способствовало развитию межпланетной торговли. Призианские цари, князья и бояре с удовольствием покупали стальные наконечники для копий и стрел, бижутерию, лекарства, голографические фильмы развлекательного содержания, динамитные шашки, очки и прочие «достижения цивилизации», которые привозились землянами в обмен на рожь, пшеницу, овес, пеньку и мед.

Все эти скупые сведения о планете я почерпнул из расширенного космосправочника. Помню, меня удивило: почему в справочнике напротив Призии стоит запрещающий знак – красная буква «Т» на черном фоне? Знак этот предупреждал, что туры на Призию нежелательны и небезопасны. Однако после прокола с техноманами и естественниками, которые в справочнике были поименованы «интереснейшим и гуманнейшим миром», я не доверял больше этому изданию.

Именно поэтому, ничтоже сумняшеся, я решительно задал Мозгу курс на Призию. Но, несмотря на то что созвездие Летучей Мыши было от нас всего на расстоянии недельного полета, мой страдающий пространственным идиотизмом Мозг ухитрился снова сбиться с пути и вместо Призии доставил меня на Барабах – раскаленную необитаемую планетку, которая уже вторую тысячу лет колебалась, сталкиваться ли ей со своим светилом или повременить? Видимо, появление нашего корабля каким-то образом повлияло на хрупкое равновесие, потому что едва мы отлетели от Барабаха, как позади нас раздался ужасный грохот, и в космическое пространство вырвалась струя раскаленного газа.

– Ну и что ты скажешь в свое оправдание? Опять моя дикция виновата? Подумай, что общего может быть в звучании слов: «При-зи-я» и «Ба-ра-бах»? – с иронией спросил я у Мозга.

– Я отказываюсь работать в удушающей атмосфере зависти и злобы! У меня тоже есть чувства! Я объявляю тебе бойкот! – с дрожью в голосе заявил Мозг и самоотключился.

«Вот свинья, опять сделал хорошую мину при плохой игре», – подумал я. Делать нечего, пришлось самому браться за астрономические справочники и прокладывать «Блину» курс. Как выяснилось, мои занятия космонавигацией не были напрасными, потому что пятью днями позже в иллюминаторе показалась

Призия – мерцающе-голубая планета, утопавшая в белых пушистых облаках.

Подлетев ближе, я разглядел три континента и два полюса, которые легко было отличить по нетающим ледяным шапкам. Пока звездолет медленно облетал планету по орбите, я прильнул к телескопу и в разрывах между облаками увидел мрачные рыцарские замки, гнездившиеся на неприступных скалах, желтеющие нивы пшеницы, по которым ветер прокатывался волнами, точно по океанской глади, и большие города, обнесенные каменными стенами.

На двух других континентах культура еще не достигла высокого уровня. Один из них был почти целиком покрыт снегом и необитаем, а на втором я не обнаружил ничего, кроме небольших, обтянутых шкурами шалашей, вокруг которых бродили бесчисленные стада странного вида тварей.

Таким образом, вопрос, на каком континенте искать Розилию, Ибирию, Краинилию и Лорусию, прояснился сам собой. Выбрав ровную площадку вблизи самого большого из городов, я направил «Блин» на посадку и благополучно совершил ее.

Открыв люк, я спрыгнул в высокую, доходившую почти до пояса траву, несколько раз жадно вдохнул свежий, насыщенный кислородом воздух и тотчас поплатился за это, ощутив, как начинают отекать глаза и переносица. Очевидно, где-то на лугу цвела одна из злаковых трав, на которые у меня с детства жуткая аллергия. Пока я искал в аптечке капли и закапывал их в нос, на горизонте показались с десяток быстро увеличивающихся точек. Я догадался, что мое появление на планете не осталось незамеченным, и приветственно замахал руками.

Поначалу мне померещилось, что приближаются всадники, но каково было мое удивление, когда я увидел в небе нескольких драконов с золотистой чешуей и кожистыми широкими крыльями. У драконов[3 - Позднее я выяснил, что это не драконы в нашем земном мифическом понимании, а лишь один из местных видов летающих ящеров.] были узкие с зазубринами морды, немного похожие на осетриные, и по паре когтистых лап, выглядевших очень грозно. На спине каждого дракона сидели по два воина. Первый управлял крылатым чудовищем, а второй, стоявший сзади него в специальной корзине, был вооружен арбалетом. Едва драконы опустились на луг, арбалетчики выскочили из корзин и, опустившись на левое колено, взяли меня на прицел. Было ясно, что, стоит сделать одно неверное движение, и, утыканный стальными арбалетными

черенками, я моментально стану похож на ежа. Здесь не помог бы даже бластер, который я, кстати, оставил в ракете.

Призианцы настороженно изучали меня, а я – их. Сходство местных уроженцев с землянами было поразительным, разве что скулы у них были чуть шире и напоминали монгольские. Руководил арбалетчиками невысокий худощавый мужчина, очевидно придворный, с тонкими щегольскими усиками и бородкой. На нем, единственном из всех, вместо доспехов были бархатный камзол и высокие охотничьи сапоги с отворотами, по которым он задумчиво пощелкивал хлыстом. Лицо у него было надменное, но не глупое. Именно с этим щеголем я и решил завязать контакт, тем более что от него зависело, спустят ли арбалетчики тетиву.

– Я гость Иваниуса II! У меня от него письмо! Учтите, Иваниусу не понравится, если меня пристрелят! – заорал я, размахивая пергаментом.

Не знаю, понял ли меня щеголь, но пергамент был им замечен. Сделав арбалетчикам знак, чтобы они были настороже, придворный выдернул свиток у меня из пальцев и, развернув, уставился на него. Наблюдая за его неподвижным пресыщенным лицом, я ощутил сосущее беспокойство. Кто знает, что изменилось на Призии за прошедшие пять лет? В средневековых мирах история меняется быстро: заговоры и войны случаются там с частотой июньских дождей, а монархи теряют троны и того чаще.

Пока бутылка болталась в метеоритном потоке, Иваниуса II вполне могли свергнуть, если он сам не умер, свалившись спросонья с трона или подавившись щиколоткой динозавра. Нельзя было также исключить вероятность того, что я попал на территорию одного из воюющих с Иваниусом государств, где меня, приняв за его шпиона, казнят после длительных пыток. Эти тревожные мысли пронеслись у меня в сознании в ту томительную минуту, пока придворный таращился на пергамент.

Я весь истерзался, пока внезапно не обнаружил, что он держит письмо вверх ногами и не догадался, что офицер так же неграмотен, как и сам Иваниус. Но едва его хаотично блуждающий взгляд дошел до подписи и печати, как холеное лицо мигом утратило свое высокомерие. Он почтительно поцеловал царскую печать и с достоинством поклонился мне, приложив левую ладонь к груди. Затем офицер проследовал к ближайшему дракону, бесцеремонно согнал с шеи возничего, сам сел на его место и знаком попросил меня встать в корзину. С

опаской косясь на дракона, из ноздрей которого шел пар, я встал позади провожатого.

Разобрав поводья, мой спутник что-то крикнул солдатам. Слов я не понял, но догадался, что он велел им охранять ракету от разграбления, потому что вояки немедленно сомкнулись вокруг «Блина», выставив в первую линию обороны боевых драконов. Я порадовался, что, выходя из ракеты с каплями для носа, машинально блокировал люк. Не хотелось, чтобы, пока я буду отстутствовать, любопытные солдаты заглядывали внутрь и рылись в моих личных вещах.

Дракон поднялся в небо и, подчиняясь твердой руке моего провожатого, полетел в сторону видневшихся в отдалении городских стен. Летел он неторопливо, скорее даже планировал на широких крыльях, изредка издавая короткий, хриплый рев, зарождавшийся где-то в глубинах его бочкообразной груди. Оглянувшись, чтобы еще раз с высоты посмотреть на свою ракету и на всякий случай запомнить, где она осталась, я увидел океан, доходивший до самых скал, к которым примыкала восточная часть города.

Мы пронеслись над стенами с громоздкими тяжелыми башнями, напоминавшими шахматные ладьи, и опустились на площадь возле роскошного, но мрачноватого замка с узкими окнами-бойницами.

Закованная в латы стража сомкнула перед нами алебарды, но мой спутник показал им свой перстень, сказал несколько слов, указывая на меня, и воины раздвинулись, пропуская нас в замок. Здесь мой сопровождающий ненадолго исчез куда-то, сделав знак обождать. Я остался один в просторном помещении с вытянутыми на полу пятнами света, пробивающимися сквозь узкие окна. На стенах висели выщербленные щиты с гербами – не парадные, а настоящие щиты, побывавшие в боях и турнирах. На потолке была свежая фреска, изображавшая рыцарей, склонивших колени перед владыкой и протягивавших ему свои мечи, что, вероятнее всего, символизировало вассальную зависимость.

Вскоре офицер вернулся и повел меня по узким дворцовым переходам, в которых через каждые несколько шагов замерли неподвижные как изваяния рыцари. Наконец мы очутились в круглом зале с высокими потолками. Посреди него тянулся длинный деревянный стол, во главе которого на возвышении сидел высокий мужчина в горностаевой мантии. В руках у него был тот самый пергамент, благодаря которому я оказался на Призии.

Почтение, с которым относились к мужчине окружающие, подсказало мне, что это и есть царь. Иваниус II был мужчиной лет пятидесяти, крупным, дородным, с горделивой осанкой и начинающей седеть бородой. Движения и речь у него были решительные и властные, а правую щеку рассекал длинный шрам. По всему было видно, что это царь-воин и царь-охотник, предпочитающий седло боевого дракона и надежный меч лакированному дворцовому паркету.

Я сделал несколько шагов и поклонился, повторив то же движение, что и мой провожатый, хотя, разумеется, далеко не с тем же непринужденным изяществом. Иваниус II поднял голову, взглянул на меня и что-то громко сказал. Его свита захохотала, и даже сам царь улыбнулся. Потом государь задал вопрос, и мне пришлось вежливо пожать плечами. Догадавшись, что я не понимаю языка, Иваниус II нетерпеливо мотнул головой, и вскоре рядом со мной нарисовался переводчик.

Это был маленький человечек, курчавый и смуглый, с кислым унылым лицом, имевшим такое выражение, будто он держал за щекой муху, которую боялся проглотить. Каждое свое слово он сопровождал быстрым мелким кивком, так что вскоре и у меня невольно задергалась голова.

– Государь Всея Розилии, Малой и Большой Ибирии, а также Краинилии, Лорусии и всея Континентии от Ледилии до Черных гор, князь Шарыпии и Боборыкии, а также герцог Трик-Трак, всемилостивейший Иваниус II рад привествовать чужеземца на своей земле. Вы его гость. Все, что есть в его царстве и в его дворце, к вашим услугам. Завтра утром он приглашает вас на царскую охоту, а теперь просит извинить его, так как у него назначен государственный совет, – забормотал переводчик.

Он еще не закончил говорить, а государь уже отвернулся, видно, потеряв ко мне интерес.

Сообразив, что аудиенция закончена, я поклонился и вышел. Переводчик следовал за мной, как тень. Очевидно, ему было приказано меня опекать.

– Прошу вас, господин, сюда! Я проведу вас в ваши покои. Его Величество приказал поселить вас в лучших гостевых комнатах, – сказал он, сворачивая в одну из галерей.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Терезий, господин.

– Хорошо говоришь по-русски. Ты с Земли?

– Нет, господин, но моя мать была с Земли, – неохотно сказал он.

Мы проходили по галерее между двумя башнями, когда вдруг откуда-то со двора раздался душераздирающий крик.

– Что это, Терезий? – спросил я.

– Ничего, вам послышалось. Пойдемте, господин, здесь нельзя стоять. Вас ждут в комнатах, – забормотал смутившийся переводчик, подталкивая меня вперед.

Но я вырвался, подбежал к бойнице и успел увидеть, как несколько солдат бросают в глубокий колодец связанного человека. Его крик сперва разнесся эхом, а потом сразу оборвался.

– Что это было? Этот несчастный казнен? Что он натворил? – содрогнувшись, спросил я.

Поняв, что я от него не отстану, Терезий потупил взгляд и ответил:

– О, это был умнейший вельможа и первый царский фаворит, но он не сумел оценить подарка, который сам себе выпросил…

Больше, сколько я его ни расспрашивал, переводчик не сказал ни слова, и мы молча дошли до покоев. Хотя отведенные мне комнаты были так великолепны, что потрясали всякое воображение, настроение мое испортилось.

На другое утро Терезий появился не один. Рядом с ним шел симпатичный юноша со свежим румянцем на щеках, одетый в бархатный камзол. На юноше были новые красные сапоги с загнутыми носками, которыми, видимо, он очень гордился, потому что все время на них посматривал.

– Вы уже проснулись, господин? Этот паж – личный оруженосец Его Величества, посланный подобрать вам доспехи. Сегодня весь двор отправляется на охоту, – сказал Терезий, голос которого звучал буднично и кисло.

Я свесил ноги с кровати. Нельзя сказать, чтобы меня переполнял воинственный пыл, но поучаствовать в царской охоте я был не прочь. Оруженосец наметанным взглядом окинул мою фигуру и исчез, а минутой спустя в залу длинной вереницей стали заходить разодетые слуги, несшие кто шлем, кто кольчугу, кто чеканный нагрудник, а кто наплечники. Все это оруженосец надевал на меня быстро, ловко и необыкновенно деликатно, демонстрируя немалый опыт. Под конец паж пристегнул мне на пояс короткий широкий меч и отошел с поклоном, что-то сказав через переводчика.

– Он говорит, чтобы господин не беспокоился. Он подобрал вам надежное копье, которое ожидает вас на варагоне, – пояснил Терезий.

– Поблагодари. И скажи ему, что у него очень забавные сапоги, – произнес я, думая доставить юноше удовольствие.

Терезий как-то странно ухмыльнулся и перевел. Смутившись, оруженосец что-то быстро проговорил в ответ.

– Он спрашивает: неужели его сапоги могут вам нравиться? – сказал Терезий.

– Разумеется, очень симпатичные, – отвечал я. Неожиданно паж быстро сел на пол, снял с себя сапоги, с поклоном опустил их возле моих ног и удалился босиком. Вид у мальчика при этом был очень огорченный, а взгляд, кажется, даже затуманился от слез.

– Вы правильно сделали, что его урезонили. Последнее время он стал зазнаваться! – одобрительно шепнул мне Терезий.

Я озадаченно смотрел на лежащие на полу сапоги, совершенно не представляя, зачем они мне нужны: размер ноги не позволял мне втиснуться в них. Однако размышлять над странным поступком пажа времени не оставалось – во дворе замка нетерпеливо трубил охотничий рог.

Когда я ступил с крыльца на брусчатку, царская свита уже была в седлах. Иваниус II махнул мне рукой и что-то крикнул. Тотчас пятеро слуг, повиснув на поводьях, подвели ко мне оседланного ящера-варагона. При виде этого чудища у меня отвисла челюсть, и я пожалел, что вообще согласился ехать на охоту. Вчерашний дракон казался мне теперь безобидной и довольно симпатичной зверушкой. Ростом варагон был с двухэтажный дом и весь покрыт зубчатыми костяными наростами. Морда у него была длинная и невыразительная, а сзади тянулся по меньшей мере пятиметровый хвост, заканчивающийся крупным костяным шаром.

Седло, представлявшее собой деревянную увешанную щитами корзину, крепилось на основании шеи ящера. Попасть в него можно было, карабкаясь по веревке с узлами.

Ловко управляя своим варагоном с помощью длинного копья, которым он покалывал шею страшилища, Иваниус II подъехал ко мне и что-то крикнул, кивая на мое чудовище.

– Его Величество советует вам быть потверже с этим варагоном. Недавно он покалечил наездника. Не позволяйте ему вставать на задние лапы и заваливаться набок. Еще Его Величество говорит, что охота обещает быть интересной. Егерям удалось загнать несколько рвулей, – перевел Терезий.

– Скажи царю, что я просто счастлив, – проворчал я, под хохот свиты забираясь в корзину. Мне уже стало ясно, что Иваниусу захотелось позабавиться, поэтому он и взял меня на охоту, да еще подсунул бешеного ящера. Ну и отвратное же чувство юмора у этого средневекового тирана!

Иваниус II протрубил в рог, давая сигнал к началу охоты, и вся кавалькада вынеслась из замка на побережье. Слуги, удерживавшие моего ящера, отпустили поводья и разбежались кто куда.

Я надеялся, что варагон не сдвинется с места и я смогу потихоньку с него слезть, но не тут-то было. Эта зверюга заревела, встала на дыбы и бросилась за охотниками, волоча за собой громадный хвост. О том, чтобы управлять ею, и речи не было. Все мои усилия сосредоточились на том, чтобы не вывалиться и не сломать себе шею. Обеими руками я вцепился в край корзины.

Сокрушая все на своем пути, варагон выскочил из замка, снес хвостом ворота и вскоре нагнал кавалькаду. Мы пронеслись вдоль побережья и оказались в узкой долине, с трех сторон огражденной скалами, а с четвертой – океаном. В эту естественную ловушку егеря и заманили рвулей, бросая им коровьи туши, части которых валялись на вытоптанной траве. Уже по названию я не ожидал от этих зверей ничего хорошего и не ошибся.

Каждый рвуль был размером с дворцовую башню и вдобавок передвигался на задних лапах с удивительной быстротой. На громадных таранообразных головах горели злобой крошечные, несимметрично расположенные глазки. Загнанные рвули бестолково метались по ущелью, напуганные огнями, которые егеря развели со стороны океана. Увидев охотников, рвули заревели и бросились навстречу. Охотники выстроили своих варагонов в ряд и встретили зверюг дружными ударами копий.

Начало схватки я пропустил, потому что мой варагон, возбужденный битвой, стал кружиться на месте и я, не устояв на ногах, свалился на дно корзины. Оттуда хорошо были слышны сухой треск копий, рев чудовищ и крики охотников. Когда я вновь высунул голову, схватка была в самом разгаре. Один из рвулей уже лежал на земле и в агонии колотил хвостом. В горле у него торчало два или три копья. Среди охотников тоже, кажется, имелись потери, потому что бок одного из варагонов был ободран, а корзина пустовала.

Иваниус II, этот монарх-воин, отважно сражался в самой гуще битвы. Он искусно управлял своим варагоном, маневрируя между рвулями, и ни одно из копий, которые он метал, не пролетало мимо цели. Щиты на его корзине уже носили следы зубов кого-то из хищников. В следующие десять минут схватки были убиты еще два рвуля, а один из царских егерей лишился руки.

Я обрадовался, что охота приближается к концу, но в этот момент последний рвуль, сделав вид, что атакует цепь егерей, неожиданно метнулся в противоположную сторону, вцепился зубами в шею царского варагона и опрокинул его. Иваниус II вылетел из корзины и неподвижно замер на земле, очевидно, потеряв от удара сознание.

Охотники взволнованно закричали и стали с седел осыпать рвуля копьями, которые отскакивали от костяных пластин на боках чудовища. Свита и егеря пребывали в замешательстве. Броситься на помощь царю на варагонах они не могли, потому что тогда рвуль, подавшись назад, мог раздавить оглушенного

царя лапой, а спешиться никто из них не решался.

В этот момент вопреки своей воле я оказался в гуще схватки, вмешавшись в нее самым невероятным образом. Мой бестолковый варагон угодил хвостом в один из егерских костров и, завизжав от боли, взбрыкнул. Я вылетел из его корзины и, описав в воздухе полукруг, приземлился прямо на морду рвуля, напавшего на царя. Понимая, что, если сейчас упаду, мне сразу придет конец, я изо всей силы вцепился в морду чудовища. Рвуль затряс головой, но этим лишь заставил меня крепче ухватиться за его костяные пластины. Повиснув на морде ящера самым неудобным для себя образом, я заметил, что рвуль наклоняется, чтобы вцепиться зубами в лежащего на земле Иваниуса II. Не раздумывая, я крепко обхватил шею чудовища ногами, а ладонями закрыл ему глаза. Ящер, лишенный возможности видеть, сразу забыл про царя и заметался по ущелью. Все во мне сотрясалось от этой бешеной скачки. Уносясь на ящере, я краем глаза заметил, как приближенные помогают Иваниусу подняться, а сам он, морщась от боли, что-то говорит, показывая на рвуля и на меня.

Минутой позже – можете себе вообразить, что это была для меня за минута! – сотня егерей загнала ослепленного рвуля в угол ущелья и опутала его сетями. Я же кубарем скатился с головы чудовища и не свернул себе шею только потому, что меня вовремя подхватили сильные руки охотников.

Когда меня опустили на землю, ко мне, прихрамывая, подошел сам Иваниус II. Он сдавил меня в своих медвежьих объятиях и что-то громко сказал своим басистым голосом, в котором слышна была искренняя благодарность ко мне и одновременно презрение ко всей его свите.

– Государь благодарит вас за то, что вы спасли ему жизнь и тем самым облагодельствовали всех его подданных, – забормотал вынырнувший неизвестно откуда Терезий. – Его Величество говорит, что вы проявили больше мудрости и отваги, чем лучшие из его охотников. За это он присваивает вам пожизненный титул царского друга, а также нарекает вас князем Шеремятьевским, Зацепским и Змейским, а также графом Колюбакинским и Ухоцапским. Отныне ваше место за столом справа от самого государя, вы сможете присутствовать при его утреннем одевании, а также удостаиваетесь чести третьим по счету пробовать любое блюдо.

– Почему третьим? – спросил я машинально.

– Первым отведывает раб-дегустатор, вторым государь, а третьим, сразу после него – вы. Это величайшая честь, – пояснил Терезий.

С этого дня мое положение при дворе резко изменилось. Придворные косились на меня с откровенной завистью, а награды и титулы сыпались на вашего бедного слугу, как из рога изобилия. Кроме князя Шеремятьевского, Зацепского и Змейского, а также графа Колюбакинского и Ухоцапского, я был наречен герцогом Карбонийским, бароном Рявожским и Трусопским, маркизом Черногорским, адмиралом Океании и маршалом Поднебесий. Иваниус II оказывал мне всевозможное покровительство, гневно прогнав от себя всех прежних фаворитов.

Видимо, железному тирану доставляло удовольствие наблюдать, как никому не известный чужеземец, прилетевший с неба на грохочущей машине, становится первым вельможей в государстве, возвышаясь над его свитой.

Вместе с почестями у меня появилось и немало обязанностей. По утрам, как хранитель государственной печати, я без разбору ставил штампы на всех пергаментах, которые мне приносили, затем, надев мантию главного канцлера, заглядывал в царскую сокровищницу, куда каждый день стекалось все новое и новое золото – дань с завоеванных земель, собираемая наместниками.

Затем, восседая по правую руку от государя, я присутствовал на царском завтраке, где восемь слуг спешили упредить каждое движение моей руки. После обеда никаких дел уже не было и начинались сплошные увеселения, которые, сменяя друг друга, продолжались до глубокой ночи. Через несколько недель я уже знал толк и в скачках на грифонах, и в турнирных правилах, разбирался, какую рыбу предпочитают русалки и какую пику из семи нужно выбирать, когда охотишься на равнинного свинтуса.

Неумеренная роскошь царского двора и новое положение казались мне очень привлекательными, и неизвестно, не застрял бы я на Призии на всю жизнь, пополнив собой и своими потомками ряды местной знати, если бы не допущенная оплошность, настолько серьезная, что жизнь моя повисла на волоске.

Как-то во время пира, охмелев от вина, Иваниус обнял меня за плечи и сказал:

– Друг мой Тит! Ты уже в курсе всех моих дел, ты второй после меня человек на планете, но еще ни разу не видел моей жены. Эй, кто-нибудь, скажите госпоже Маризии, что мы ее ждем!

Вскоре двери отворились, и в сопровождении фрейлин вошла стройная женщина в белом платье, в волосах которой сверкала бриллиантовая диадема. Ее лицо скрывала вуаль.

Маризия была юной женой государя. Прежде я никогда ее не видел, но не раз слышал шепот придворных, что стареющий монарх безумно любит супругу и ревнует настолько, что даже не разрешает на людях снимать вуаль.

– Вот он – главный самоцвет моей короны! – с гордостью сказал Иваниус, кивая мне на Маризию. – Хочешь, я велю ей открыть лицо, чтобы ты мог увидеть его?

– Как вам будет угодно, Ваше Величество, – отвечал я.

За прошедшие месяцы я успел довольно прилично выучить призианский язык и теперь легко обходился без переводчика.

– Маризия, голубка моя, откинь вуаль, чтобы мой друг мог посмотреть на тебя! – с нежностью, которую, честно говоря, трудно было ожидать от такого солдафона, попросил царь.

Поклонившись, его жена взялась за край вуали и легким движением откинула ее. Я увидел свежее молодое лицо с большими глазами. Честно говоря, на мой вкус женщина была мила, но не более того. Во всяком случае, она не шла ни в какое сравнение с той земной девушкой, с которой я повстречался в день, когда Мозг не пустил меня внутрь собственного звездолета...

– Ну как тебе нравится моя жена? – услышал я голос Иваниуса.

Почувствовав, с каким нетерпением он ждет моей оценки, и думая сделать государю приятное, я произнес:

– Она удивительно красива. Вашему Величеству повезло. Уверен, что любой мужчина, и я в том числе, желал бы иметь такую жену...

Не успел я договорить, как в зале повисла мертвая тишина. Взглянув на государя, я заметил, как страшно изменилось его лицо. Оно вдруг вытянулось и побагровело, будто Иваниус задыхался. Он схватился за меч, но, взяв себя в руки, разжал ладонь и прохрипел:

– Воля попросившего – закон. Забирай ее и будь ты проклят!

Юная царица охнула и словно тряпичная кукла упала в обморок. Шатаясь словно пьяный, Иваниус прошел мимо нее и направился к дверям. Свита устремилась за ним. Ничего не понимая, я попытался удержать государя, но он с гневом оттолкнул меня и крикнул:

– Пошел прочь! Ты получил что хотел! Я и так отдал тебе все! Неужели этого было мало?

Вскоре, подбежав к окну, я увидел, как Иваниус выскочил во двор, вырвав поводья, прыгнул в седло боевого дракона и улетел.

«И что я такого сказал, я ведь только похвалил ее», – проворчал я с недоумением и, предчувствуя беду, отправился к себе в покои. Я надеялся лишь на то, что государь к утру протрезвеет и успокоится. Все, кого я встречал на пути, шарахались от меня, словно я был прокаженным. Даже мои собственные слуги разбежались, сообразив, что я попал в немилость.

Минут пять спустя несколько рыцарей внесли царицу ко мне в покои и, положив ее на мое ложе, удалились. Бедняжка все еще была без чувств. Лица у рыцарей были каменными, как если бы они едва сдерживались, чтобы не прирезать меня.

– Зачем вы ее принесли? Кто просил? Отнесите назад к фрейлинам! – крикнул я рыцарям, но ни один из них даже не обернулся.

Я бросился было вдогонку, но тут заметил в углу своих покоев Терезия. Переводчик прятался за балдахин кровати и мелко дрожал.

– Ты что-нибудь понимаешь, Терезий? – закричал я, подбегая к нему. – Зачем мне эта женщина? Немедленно позови фрейлин: пускай унесут ее. Я уверен: утром государь раздумает и все прояснится.

– Это невозможно, господин, – дрожа, проговорил Терезий. – Теперь государь уже не сможет ее вернуть, даже если захочет. Слишком поздно.

– Почему поздно? Он думает, что у нас с ней сговор? Да я первый раз ее вижу. Что за глупая ревность!

– Ревность тут ни при чем. Таков древний обычай, господин. У нас нельзя отказываться от подарка, который вы себе выпросили.

– Я выпросил царицу? Что ты несешь?

– Вы говорили, что вам хотелось бы иметь такую жену, не так ли?

– Сказал, но я не имел в виду, что…

– По нашему обычаю, сказать, что вы хотите чего-то, – значит выпросить это себе в подарок. Хозяин не имеет права отказать гостю в его желании. Даже хвалить что-либо, тебе не принадлежащее, нужно с большой осторожностью. Помните сапоги, которые отдал вам оруженосец и которые, между прочим, прислала ему мать? Думаете, пажу очень хотелось с ними расставаться? – объяснил Терезий.

Я застонал. Просто невероятно, каким я был ослом! Уже после случая с пажом я мог бы обо всем догадаться. И где была моя голова?! Волей судьбы я оказался в одном из тех средневековых воинственных обществ, где желание гостя является законом и хозяева, какого бы высокого ранга они ни были, не в силах нарушить традицию и дарят гостю все, что он ни попросит.

Внезапно передо мной забрезжила надежда.

– Послушай, Терезий, а если я подарю Иваниусу его жену? Как ты думаешь, он согласится принять ее обратно?

Переводчик в ужасе уставился на меня:

– Чтобы государь принял подачку от своего слуги после того, как женщина провела ночь в ваших покоях? Исключено. Это было бы для него страшным унижением. Как бы сильно царь ни любил Маризию, теперь ему придется забыть

ее.

– А если я объясню царю, что не знал местных традиций?

– Это ничего не меняет. Знали вы обычай или нет – все равно оскорбление уже нанесено.

Я ударил себя кулаком по лбу:

– Чтоб у меня язык отсох! И зачем я похвалил эту дуру! Послушай, Терезий, а есть какой-нибудь способ вернуть царю жену, не ставя его в ложное положение?

Переводчик посмотрел на меня и усмехнулся. Клянусь, это был едва ли не первый случай, когда я видел на его кислой физиономии подобие улыбки:

– Такой способ есть, но вряд ли он вам понравится.

– Что я должен сделать? Говори! – рявкнул я.

– Ничего. Это не в вашей власти. Но по закону если вы будете казнены, то все ваше имущество перейдет в казну.

– И Маризия тоже?

– И Маризия. И тогда государю уже не зазорно будет взять ее себе. Правда, по нашим законам ему придется жениться на ней вторично, но, думаю, ему не составит труда уговорить епископа.

Я заметался. Мне уже мерещились шаги палача. Все стало вдруг ясно как белый день. Прежний фаворит тоже попросил себе слишком много. Государь выполнил его волю, а потом велел бросить в колодец. Нет человека – нет проблемы.

– Я – почти покойник! – Мой голос дрожал. – Наверняка Иваниус уже отдал приказ. Что ты тут стоишь, Терезий? Беги, спасайся, а то и тебя казнят под горячую руку.

– Все не так просто, – пояснил переводчик. – Чтобы казнить вас, государю нужен очень веский повод. Ведь вы не просто его фаворит, вы спасли ему жизнь, и слух об этом распространился по стране.

– Подумаешь, повод! Он может объявить, что я устроил против него заговор.

– Нет, не может. Если государь обвинит вас в заговоре, народ станет шептаться. Никто не поверит, что вчера вы спасли ему жизнь, рискуя своей, а сегодня вдруг ни с того ни с сего устроили заговор. Нелогично.

– Тогда обвинит меня в казнокрадстве! Устроит ревизию и сделает вид, что не досчитался нескольких бриллиантов, тем более что они и вправду могли затеряться.

– Тоже исключено. Никто не поверит, что вы стали бы красть, когда достаточно было просто попросить и вы получили бы в подарок хоть всю казну.

– Чтоб меня черти слопали, а ведь ты прав! И что же он станет делать?

Терезий передернул узенькими плечиками и сочувственно посмотрел на меня.

– Не знаю, господин, но, поверьте, мне очень не хотелось бы сейчас оказаться на вашем месте.

Прошло несколько дней. Внешне все было как будто по-прежнему. Я сохранил все свои титулы, оставался и казночеем, и хранителем печати, но придворные теперь обходили меня стороной, как зачумленного.

Все попытки объясниться с Иваниусом II ни к чему не приводили. Он не удостаивал меня аудиенций, а за столом, когда мы сидели с ним рядом, смотрел так, будто я был дохлой жабой. Царские пиры, прежде такие шумные, теперь больше напоминали поминки: в зале висело гробовое молчание, и лишь слуги обносили всех блюдами.

Выпрошенная мною царица продолжала жить у меня в покоях – тихая и скорбная. Всякий раз, когда я подходил к ней, она начинала дрожать и, кажется, даже глохла от ужаса.

Я ощущал, как день ото дня надо мной все сильнее сгущаются тучи и еще немного – ударит гром. Однажды ночью я попытался сбежать, надеясь, что смогу добраться до корабля и покинуть эту негостеприимную планету, но стража не открыла мне ворот, заявив, что повелением государя никто не может выйти из замка.

А на другой день утром, после того как завтрак прошел в гнетущей тишине, государь поднялся со своего места. В тот же миг все замерло. Слышно было даже, как на дальнем конце стола с перепугу подавился какой-то пожилой придворный.

– Чужеземец, я давно не делал тебе никаких даров, – отчетливо произнес Иваниус II.

Не понимая, к чему он клонит, я растерянно пробормотал, что всем доволен.

– И вот сегодня я решил исправить эту досадную оплошность, – не слушая меня, продолжал государь. – За то, что чужеземец спас мне на охоте жизнь, я решил сделать ему самый дорогой подарок, который может преподнести благодарный монарх. Я дарю ему всех своих придворных – фрейлин, копейщиков, егерей, арбалетчиков, короче всех, кто есть у меня во дворце! Отныне вы – собственность моего канцлера, князя Шеремятьевского, Зацепского и Змейского, графа Колюбакинского и Ухоцапского, герцога Карбонийского, адмирала Океании и маршала Поднебесий! Он – ваш господин!

С этими словами государь повернулся и тяжелой поступью вышел из зала. Вопреки обыкновению, никто не последовал за ним. Все – от вельмож до последнего поваренка – стояли как истуканы и смотрели на меня, а в дверях появлялись все новые и новые слуги, до которых, очевидно, уже дошла весть об их дарении. Я чувствовал, что в «великодушном» подарке государя таится какая-то неведомая угроза, но вот откуда ждать беды – не понимал.

Я попятился к дверям и быстро, не оглядываясь, отправился в свои покои. Худшие опасения подтвердились: все придворные до одного повалили за мной. Я надеялся, что хотя бы в моих покоях они отстанут, но не тут-то было: «подаренные» набились внутрь и заняли все комнаты. Их было так много, что мне приходилось проталкиваться сквозь толпу.

– Зачем они сюда пришли? Разве у них нет никаких дел? – шепотом спросил я у Терезия, отыскав его за занавеской.

– Таков древний обычай. Все подарки обязаны всюду следовать за своим господином, – отвечал он.

– А от них никак нельзя отделаться?

– Невозможно, ведь они подарены вам самим государем.

С этой минуты моя жизнь превратилась в кошмар. Куда бы я ни шел: на пиршество ли, в сокровищницу, в баню или в отхожее место – всюду за мной следовала огромная толпа. Я ни на секунду не мог остаться в одиночестве. Даже ночью, когда я лежал в кровати, совсем рядом, из-за балдахина, доносилось горячее дыхание ненавидящих меня людей. Я не понимал, когда они спят и едят: должно быть, незаметно отлучались по очереди.

Хотя у меня теперь было больше свиты, чем у кого-либо в королевстве, за столом мне никто не прислуживал, никто не чистил моей одежды, не взбивал перин, не седлал варагона и не оказывал ни одной из тех услуг, что я во множестве получал прежде.

Как-то, ощутив жажду и не зная, где найти воду, я отыскал в толпе одного из своих прежних слуг и велел ему принести мне напиться. Прежде это был услужливый и веселый парень, теперь же он стоял как истукан и таращился на меня. Сколько я ни повторял своей просьбы, он даже не сдвинулся с места.

– Что он стоит и глазеет на меня? Забыл, как прислуживают? – по-русски крикнул я Терезию.

– То, что было раньше, не имеет значения. Теперь он больше не слуга, как остальные больше не егеря, не латники и не повара, – спокойно объяснил мне переводчик.

– Что? А кто они теперь такие?

– Они ваши подарки, а подарки не выполняют поручений. Они не имеют права заниматься ничем, кроме того, чтобы быть подарками. По нашему обычаю, нельзя даже пользоваться выпрошенными предметами. Другими словами, если бы вы надели сапоги пажа и стали их носить – это было бы грубейшее нарушение традиции.

– Хм… А какие-нибудь просьбы эти люди выполняют? Есть мне от них хотя бы минимальная польза или сплошные неудобства?

– Польза только та, господин Тит, что они всюду следуют за вами. Вы же должны следить, чтобы они всегда были сыты и довольны.

– Но почему?

– Так для вас будет лучше. Если кто-то из подаренных умрет, заболеет или хотя бы пожалуется на вас, вы будете казнены. Помните того фаворита, который был брошен в колодец? Он всего-то и выпросил себе сокола, а тот на другой день возьми да издохни. А ведь он был царским подарком!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Недавно я обнаружил, что остров Елевферия исчез с карты – скорее всего, местные по кусочкам расковыряли его на сувенирные пепельницы и бусы.

2

Прецеденты, увы, порой случались.

3

Позднее я выяснил, что это не драконы в нашем земном мифическом понимании, а лишь один из местных видов летающих ящеров.

Купить: https://tellnovel.com/emec_dmitriy/vselenskiy-neudachnik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити